

Зоя Кураре

РЕВОЛЮЦИЯ ЧУВСТВ

Зоя Кураре

Революция чувств

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

Кураре 3.

Революция чувств / 3. Кураре — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC»,

События происходят в 2004 году в стране, которую легко узнать по ярким политическим сценариям. Закарпаття! В избирательной кампании участвуют: Виктор Япанович, Виктор Юбченко, Юлия Тигрюленко. Закарпаття разделилась на два враждующих лагеря. Интриги, падение нравов, потеря близких. И будущее, в которое попадает пиарщица Женя Комисар, чтобы узнать, кто станет президентом.

© Кураре 3.

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC

Содержание

Пиар – не собачье дело	5
Родина уродина...	8
Стерва – это не профессия, это образ мыслей	12
Сила женщины в ее слабости	18
Сука кобелю не товарищ	22
Женская дружба бывает?	25
Серый кардинал информационного пространства	28
Право на ошибку	34
Жирная крыса	38
Запах сигарет с ментолом	44
Ручное управление метлой	51
Полет крутого яйца	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Зоя Кураре

Революция чувств

Пиар – не собачье дело

Он проснулся раньше новенького будильника, чтобы позволить своему сильному телу понежиться на мягком матрасе. Он успел несколько раз с удовольствием потянуться и привести в тонус мышцы спины. Театрально зевнуть. Немного полежать на правом боку, побездельничать на левом.

Он намеревался посмотреть в окно, чтобы удостовериться – синоптики, как всегда, бесовестно лгут, но вставать с нагретого за ночь места не спешил. Он любил просыпаться в теплой постели, неспешно думать о радостях предстоящего дня. И патологически ненавидел, когда его охватывало жгучее желание пустить горячую струю по ветру. Он медленно встал, опять лег в постель, а когда понял, что терпеть, больше нет сил, резко выпрыгнул из комфортного логова сновидений и побежал.

Дверь, словно недобрая соседка, не шла на контакт, потом нехотя подчинилась, разрушая старческим скрипом девственную тишину утра.

Ее проржавевшие петли противно заныли, травмируя музыкальный слух Вика. «Ничего, – успокаивал он себя, – просто нужно подумать о чем-то приятном, а лучше о ком-то».

Этот кто-то, о ком хотелось подумать впервые минуты пробуждения, находился прямо по коридору и налево.

Вик любил ходить налево, особенно по утрам.

Она, лежала, спрятав лицо в подушку. Хрупкая, тихая, родная, сонная, любимая. Будить ее не хотелось, а придется. Вик наклонился над беззащитным женским телом и почувствовал над ним абсолютную власть. Ее длинные, красивые ноги надежно спрятаны под толстым слоем пухового одеяла, ухоженные женские руки трогательно обнимают подушку, каштановые волосы хаотично разбросаны вдоль синих полевых вьюнков, изображающих ложное цветение на застиранной наволочке. Он тяжело задышал ей в затылок. Дышал неприлично долго. Что делать? Нежно будить или резко стянуть одеяло?

Вчера она возвратилась с работы за полночь. Он понюхал сначала воздух вокруг нее, затем бесцеремонно уткнулся в волосы. Пахло спиртным. Без вариантов, она пила водку. Интересно, закусывала? У, нехороший человек!

Она, хрупкая, тихая, родная, любимая почувствовала его присутствие и охрипшим ото сна голосом в свойственной ей грубой манере сказала:

– Пошел вон!

Вик недовольно вздохнул. От ее слов возбуждение как рукой сняло, а отлить еще больше захотелось.

Она медленно перевернулась на спину, открыла глаза.

– У, морда твоя противная, не дашь поспать!!!

Вик обиженно подошел к зеркалу. Почему морда? Она не противная! Скорее наоборот. Отражение в зеркале его искренне тешило. Морда пятилетнего американского стаффордширского терьера предстала во всей собачей красе. Не выставочный вариант, как утверждал хозяйский кинолог: «Ваш Вик из серии домашних любимцев». «Сволочь этот кинолог», – возмутился Вик. Тот дрессировал главного домашнего любимца без малейшего снисхождения на бойцовскую породу. Мучил его, как безмозглую болонку: лежать, сидеть, лежать, сидеть. Никакого подхода к животному. Сам пес давно и с успехом дрессировал хозяйку. Он точно знал,

как выманить ее сначала из теплой постели, затем из квартиры, а там и до кустиков на улице недалеко. От радостной мысли Вик чуть не описался. Господи, где она, эта волшебная черная палочка с большим количеством кнопок? На столе нет, в кресле тоже. Ага, она прячется под диваном! Вик обрадовался находке и стал действовать по инструкции. Сначала палочку необходимо достать, затем направить на телевизор и немного стиснуть в пасти. Получилось, телевизор заработал. Эффектный фокус Вик научился проделывать не сразу. Сколько дистанционок безжалостно раздавлены его мощной челюстью! Домашнего любимца ругали, били, прятали от него пульты управления. Последняя дистанционка оказалась на редкость живучей. Она не просто жила, она выполняла главное предназначение – дрессировать хозяйку.

На экране чернокожий мужик, он же «ласковый мерзавец» пел сладкую песню о шоколадном зайце. Вик на секунду отвлекся от назойливой, словно мухи, мысли – отлить. Он неконтролируемо любил шоколадные конфеты, жаль – зайцы ему не попадались. Какое счастье быть человеком и позволить себе лизнуть огромного шоколадного зайца. Лизнуть ну хотя бы в...

– В ухо, сейчас получишь в ухо. Вик, ко мне, неси дистанционку.

Господи, где они взяли это музыкальное старье, слушать невозможно. Вик, отдай дистанционку, тебе говорю!

Вик отморозился, он всегда так делал, когда хозяйка грубила. А еще главная пиарщица города Задорожья, звезда голубого экрана. Фу!

Вставить звезда не собиралась, орущий «ласковый мерзавец» ее страшно раздражал. Сейчас она начнет пиарить, пудрить его бойцовские мозги, давить лаской на породу.

– Викуша, ты маму не любишь, – замыкала пиарщица.

«Какая тут любовь, когда под куст хочется», – злился пес.

– Иди сюда, чудовище, – в голосе Вик уловил нотки раздражения.

Псу захотелось ее тоже послать, к зеркалу. Но Вик передумал, все-таки женщина. Сдержался и не гавкнул в ответ.

– Ладно, давай пульт, – ласково замурлыкала пиарщица. – Новости посмотрим, и пойдет гулять.

– Давно бы так. Гав! Гав! Гав!

Дрессировать хозяйку несложно. Помешанная на работе, она смотрела информационные выпуски новостей бесконечно. Десять минут, не больше!!! Вик почувствовал, его мочевой пузырь не выдержит. Мужик в телевизоре умничал, понять собаке политический лай не под силу. Вик уставился в потолок, не увидев ничего нового и интересного, перевел взгляд на окно. За плотно задвинутыми шторами бурлила жизнь. Жизнь бурлила и жужжала. Он не слышался, что-то действительно жужжало. Вик нервно зарычал, на охраняемой территории появился опознанный по звуку, летающий объект.

– Тихо, Вик, заткнись, видишь, Юля Тигрюленко выступает.

Хозяйка нажала затертую кнопку на дистанционке и максимально увеличила звук. Изменилась и картинка, на голубой экран приземлилась очень симпатичная муха. Вик присмотрелся к ней внимательно: выразительные карие глазки, маленький носик, ротик бантиком. Впечатлил пса и ее белый костюмчик, украшенный большой красной розочкой на левой груди. Дамочка умела распушить на публику коварные крылышки. Собачий шок Вик получил оттого, как складно жужжала эта маленькая, бойкая бестия. Тембр ее голоса проникал в глубину большого, собачьего сердца и бесцеремонно будоражил тончайшие бойцовские чувства.

«Я б ее трахнул».

Вик не стыдился собственных мыслей. Его испугало не на шутку разыгравшееся воображение, готовое сорваться с тонкого поводка. Он представил, как возьмет толстый журнал, имеющийся в их доме, скрутит его трубочкой и подобно хозяину со всей силы трахнет по тщедушному тельцу насекомой стервы, чтобы понапрасну не жужжала и не травмила храброе собачье сердце.

Хозяйка, вовремя пришла на помощь. Она выключила телевизор.

Голубой экран потух, стал черным. Коварные крылышки, красная роза, и маленький алый ротик мгновенно улетучились.

– Гулять!

Это слово, как взмах волшебной палочки, отрезвило горячую голову пса. Полезная для здоровья команда, ее безоговорочно хочется выполнять.

Родина уродина...

Баба Дуся скоро разменяет седьмой десяток лет. Ее профессию номинировали на губернскую премию, сомнений у строгого жюри не возникло, баба Дуся лучший дворник города Задорожье. Каждое утро, профессионально орудуя метлой, во дворах многоэтажных домов по улице Пионерской, пожилая женщина творит окружающий ее мир удивительно чистым.

После войны отца Евдокии направили восстанавливать разрушенный индустриальный город Задорожье. Семья переехала на время, и поселилась в промышленном мегаполисе навсегда. У Дуси появилась семья, она родила сына, и город с вечно дымящимися трубами на горизонте стал ее малой родиной.

Родина это территория на карте мира с четкими границами, названиями городов, поселков, сел. Или чувство, ощущение, радость, гордость за дом, улицу, город и страну, где ты родился, вырос и любим. Что важнее, географическая точность или мысли, которые превращаясь в самую долговечную материю на земном шаре, способны выстроить дома, улицы, города, большую самобытную страну? Родной край, за границами реальности которого находится удивительная, своеобразная страна Закарпатья.

Достаточно выложить кусок сала на тарелку гостю, налить ему пятьдесят граммов горилки, одеть вышиванку, с хлебом и солью выйти на порог, чтобы гость безошибочно нашел твой дом, улицу, славный город Задорожье, боготворимую страну Закарпатья. Где живут сегодня настоящие закарпатцы, умеющие любить и ненавидеть, воровать и делиться последним куском хлеба, верить и бессовестно лгать, плакать и смеяться.

Законотворчество в Закарпатье сродни богоявлению в отдельно взятой голове. А если голова не одна?

Закарпатские депутаты оторвались от бизнеса, любовниц, теплых стран, игровых автоматов, ресторанов и единодушно решили трансформировать мысли из информационной отрасли в материальную сферу. Проголосовали, приняли большинством голосов.

Мысли материальны, этот новый закон под № 666 Верховной Зрады, позволяет закарпатцам первыми в мире намазывать мысли на хлеб. Благодаря инновационному закону закарпатцы стали мысли жарить, варить, вешать на уши, шить из мыслей одежду, заполнять дешевыми мыслями газотранспортную систему, строить самолеты и города. Если всенародно напрячь мозговые извилины, то скоро закарпатцы отправятся покорять космическую Европу. Опыт закарпатских депутатов сегодня с успехом применяют в других, недоразвитых странах. Единственная проблема в Закарпатье – выбрать правильного, народного, грамотного президента, который нагенерирует столько мыслей в головы закарпатцев, что их жизнь мгновенно трансформируется в систему абсолютного качества. Родился, открыл глаза, закричал и абсолютно, категорически, совершенно счастлив. Добротных мыслей в Закарпатье на всех хватит. Главное, чтобы у президента страны хватило ума и сил обеспечить собственный народ достаточным количеством мыслей правильной формы и содержания.

Родину не выбирают, но если родина выбрала тебя, выдала паспорт, прописку и идентификационный код, придется жить по ее, заверенным гербовой печатью, законам.

Родина – уродина, но она мне нравится. Эту песню каждое утро слушает внук бабы Дуси. Среди любимых песен Ванечки эта – самая крамольная, считала старушка. Зачем Родину обзывать?! В ее молодости звучали совершенно иные песни:

«С чего начинается Родина С картинки в твоем букваре С хороших и верных товарищей Живущих в соседнем дворе»...

При воспоминаниях об этих строках, из глаз бабы Дуси катятся горькие слезы воспоминаний, а ведь она искренне считала, что их давно выплакала. Суровую жизнь прожила.

На Ванечку, из-за песни про родину-уродину, баба Дуся не обижается. Судьба у внука сиротская. Невестка умерла от водки, сын – патологический алкоголик. Ванечка не пьет, но сильно болеет. Недавно баба Дуся обнаружила в его куртке целых семь пачек трамадола.

– Зачем тебе столько таблеток? – поинтересовалась она у Ванечки.

– Ну, ты бабка даешь. Депрессия у меня. Вирус весь организм подкосил, неужели, не видишь?

– Господи, хорошо не СПИД, – успокаивала себя Евдокия. Для бабы Дуси, прожившей тяжелую жизнь среди мусоропроводов и мусорных баков, главное достояние – это ее шестнадцатилетний внук, единственная надежда и продолжение рода. «Дай, Господи, чтобы он не стал алкоголиком или наркоманом», – ежедневно твердила старушка, как молитву, свое заклинание.

«Родина – уродина, но она мне нравится», – доносилось из хриплых динамиков, получивших постоянную прописку на первом этаже многоэтажного дома в квартире лучшего дворника Задорожья.

Осень 2004 года беспощадно уродовала психику рядового обывателя, закраинцы выбрали президента Закраины. Деревья во дворе пестрели не только осенней листвой, но и за ночь, словно под Новый год оказывались, украшены оранжевыми ленточками. До Нового года так далеко!

Обнаружив на деревьях оранжевую символику, баба Дуся, оперативно побежала в родную жилищно-эксплуатационную контору, где она официально числилась дворником.

Начальник сидел в своем кабинете, сердитый, как черт. Остатки волос на отполированной временем лысине торчали с двух сторон, и напоминали рога старого, умудренного жизненным опытом оленя. Смеяться над карикатурным образом товарища Пузикова нельзя, он начальник. И не до смеха сейчас взволнованной бабе Дусе.

– Что ж делать, Николай Кузьмич, сымать этот маскарад или как? Вы ж начальник, вам решать? – с порога закудахтала главный дворник улицы Пионерской.

– Ты мне этих вопросов не задавай, конечно, сымай.

– Вопрос политический, вот победит Виктор Андреевич Юбченко. Так?! – не унималась баба Дуся – А мы с вами Николай Кузьмич выходит новому, передовому, оппозиции мешали, выходит – враги народа. ТАК?

– Ты, Евдокия, мне здесь не ТАКАЙ. Я тебе так скажу! – не скрывая свой гнев от подчиненных, вещал на всю жилищную контору Николай Кузьмич Пузиков. – Я этих революционеров сам поймаю и ноги им повыдергиваю, развели мне здесь незаконную агитацию. Лично я за «голубых», и не позволю некоторым беспорядки нарушать!!!

– За «бело-голубых», – уточнила баба Дуся.

– Ну, ты сама понимаешь, обстановка непростая. Страна в опасности, она, ядрена в корень, разделилась на два враждующих лагеря. С одной стороны наша, родная власть – «Партия Губерний». С другой – оппозиция, не дремлет «Наша Закраина». Ох, эта оппозиция, еще покажет нам Кузькину мать. Дворники со всех участков жалуются, загадили территорию дворов оранжевой агитацией. Факт?

– Факт, – поддержала сторону начальства Евдокия.

– И вообще, Дуся иди, иди, работай, дорогой товарищ. Я вчера с кумом чуть не подрался, – вдруг неожиданно разоткровенничался с подчиненной Кузьмич. – Пятнадцать лет с ним дружу, а он крысеньш, к оранжевым примкнул, оппозиционную болезнь подхватил и честных людей заражает. Пятнадцать лет мы с ним из одной бутылки пили, детей его крестил. А он, представляешь Дуся, меня, Николая Пузикова заслуженного коммунальщика города Задорожья, закоренелым дармоедом окрестил. А сам, а сам-то хорош! Вчера я собственными глазами видел, как он прохожим в поддержку партии «Наша Закраина» на улице апельсины раздавал. Я круглый год картошки досыта поесть не могу, а они мне Америку и Европу с апельсинами под нос суют. На, мол, Кузьмич, ешь апельсины, рябчиков жуй. Буржуины!!!

– Вы не переживайте, Николай Кузьмич, я все ленточки сыму, все плакаты сорву. Я этих рябчиков и политических агитаций, ох как не перевариваю, – перешла на шепот баба Дуся...

Это в кабинете у Пузикова баба Дуся казалась тише воды, ниже травы, а на вверенной ей территории она слыла грозой местной детворы.

Уважали и немного побаивались ее взрослые, единственное, с кем возникали у старушки конфликты дворового масштаба так это с местными животноводами. Так баба Дуся называла людей, которые содержали в квартирах кошек, разных хомячков и собак. Кошки и хомячки – дело личное, считала пожилая женщина, завели безмозглый комок шерсти, пожалуйста, нюхайте в собственной квартире, если других важных дел нет. Собаки – совершенно другое, они откровенно гадят, и не где-нибудь, а в центре двора, прямо на территории зеленой зоны.

После тяжелого напряженного разговора с Николаем Пузиковым бабе Дусе страшно захотелось уйти куда – подальше. Уйти не только от начальника, но и от политических страстей, в которых она мало, что смыслила. И приступить непосредственно к любимой работе дворника. Что, собственно, она виртуозно и сделала. Накопленный от политического противостояния негатив, жаждал выхода. Возвратившись назад во двор, баба Дуся взяла в руки старую, потрепанную метлу и внимательно, не спеша, осмотрела свои владения. Как чувствовала, не все в полном порядке на вверенной ей территории.

– Господи, какая куча, хотела бы я знать, какой слон так нагадил?! – бесцеремонно провыла, как хорошо отлаженная автосигнализация, стоя посередине двора главный дворник улицы Пионерской.

Куча нарисовалась знатная, она выскочила, словно бородавка на видном месте. Слава Богу, не на чьем-то уважаемом лице. Евдокия наклонилась, приняла рабочую позу и поняла – от политики ей, простому, честному, рабочему человеку, не уйти. Политический бомонд Закраины лежал у ее больных остеохондрозом ног. Вот они, кандидаты в президенты великой и могучей страны один лучше другого, смотрят на рядового дворника понимающими глазами с красочных, глянцевого листовок.

– Жалко выбросить! Сколько это денег стоит?

Ответа на актуальный вопрос баба Дуся не получила. Во дворе царил тишина.

Только эхо по-дружески поддержало ее рачительную натуру, но через секунду предательски скрылось за бетонными спинами многоэтажных домов.

– А ленточки энти оранжевые по всему городу висят. Сколько ткани изрезали ироды! – никак не могла угомониться повелительница казенной метлы.

Вспомнилось бабе Дусе, как после войны она ходила на танцы в клуб.

Не в фуфайке же ей перед местными парнями красоваться! Тогда им с подружкой десяти сантиметров не хватило, что бы пошить из небольшого куска ткани простенькое ситцевое платье. Юные закройщицы на свой страх и риск распорили ночную сорочку, чтобы обшить кружевами подол единственного нарядного платья. Ностальгические воспоминания бабы Дуси, которыми она любила поделиться с жителями Задорожья, ей самой казались неисчерпаемыми. Прожить на свете семьдесят лет! Она помнила Советский Союз, колбасу по два рубля двадцать копеек, первую неразделенную любовь, рождение сына. Она могла многое поведать жестокому миру, плотным кольцом окружившему ее сгорбленную фигуру с казенной, подранной метлой.

Вдруг ее сокровенные воспоминания прервал громкий, пронзительный, отвратительный лай.

Вик выскочил на улицу и решил сразу поделиться радостью с обитателями родного двора. Он жил, как Карлсон – на крыше, на девятом этаже железобетонного монолита. Все время, пока лифт неторопливо вез пса с хозяйкой на первый этаж, где проживал его не добрый друг баба Дуся, он изо всех собачьих сил терпел. Бабой Дусей пса пугали с раннего детства. Домочадцы заметили, что Вик ее панически боится, поэтому в воспитательных целях напоминали о существовании злого дворника Евдокии. Они не знали, что при первой встрече баба Дуся при-

грозила неопытному в житейских делах щенку, что сдаст его на мыло, если он намерен гадить во дворе. С тех пор Вик невзлюбил мыло и страшно боялся им стать. Он научился, бережно относиться к территории двора, и знал, что «это» можно делать только за старыми гаражами. Сегодня добежать к заветным проржавевшим домикам, где ночуют легковые автомобили, ему не судилось. Ближайший куст спас Вика от общественного позора и осуждения. Увидев спасительные заросли можжевельника, пес автоматически поднял левую ногу и с большим удовольствием совершил привычный собачий ритуал, в непосредственной близости от детской площадки. Хозяйка нервно озиралась по сторонам. «Ничего, прорвемся», – успокаивал ее и себя стаффордширский кобель.

Не получилось, не прорвались, на звук мощной струи примчалась она – гроза дворовых собак.

– Что за безобразие здесь происходит? Евгения, вы же интеллигентная женщина, зачем вы его здесь выгуливаете, ваш теленок сейчас всю детскую площадку затопит! Придется детей эвакуировать.

Вик чувствовал, как каждое произнесенное бабой Дусей слово больно бьет его по широкой морде, но остановиться он не мог. Это не водопроводный кран с горячей водой, который вентилем перекрывается. Собачий организм требует деликатного подхода.

– Теперь я знаю, – кричала старушка, еще громче, – кто в центре двора кучу могучую смастерил.

– Я бы так не утверждала, – заступалась за своего пса, в одном лице пиарщица и телевизионная звезда, Евгения Комисар.

– А я утверждаю, – не унималась баба Дуся. – Вы думаете, если вас в телевизоре каждый день показывают, так вашей собаке все позволено.

Морда Вика побагровела, он напрягся и потянул хозяйку к месту преступления. Необходимо разобраться, в чем его обвиняют.

– Вот видите, – ликовала баба Дуся. – Он вас на это место, на место преступления тянет, сейчас нас и осчастливит. Мне больше работы нет, как за вашим псом тут убирать. За политикой не усмотришь, агитацией весь двор забросали, загадили территорию...

– Я не думаю, что это Вик, – оправдывалась Евгения Комисар.

Скандал развивался по классическому и знакомому его участникам сценарию. Вику ничего не оставалось делать, как плотнее, прикрыть купированные уши, чтобы заглушить крик бабы Дуси и начать работать ноздрями. Так он и думал, здесь был человек.

Люди могут сомневаться, а собаки по запаху точно определяют кто и когда. Вик напряг мозговые извилины посильнее втянул воздух в широко раздутые, ноздри. Сомнений нет, это Ванечка трамадольщик, внук бабы Дуси. «Меня обзывают разными неласковыми словами, а сами? Эх, люди, люди»... Вик радостно залаял и завилял хвостом, я здесь не причем. Женька его поняла, а баба Дуся нахмурила брови и хриплым голосом прошипела:

– Собака ты некультурная, ничего человеческого в тебе нет, кормить его меньше надо! А то он весь двор загадит, – деловито посоветовала старушка телевизионной звезде.

Звезда не стала опускаться до уровня дворового конфликта. Она извинилась, на всякий случай. Женька Комисар пошла гулять с засранцем, подальше от бабы Дуси, за ржавые гаражи.

Стерва – это не профессия, это образ мыслей

Нет ничего страшнее женщины-стервы, она не только переступит через очередную жертву, но еще и специально заденет ее острым каблуком, чтобы той больнее было. И глубоко ошибается тот, кто считает, что стервами не рождаются. Главное – иметь наготове острые каблуки, а жертва всегда найдется.

Она шла по коридорам родной телерадиокомпании ЗАО «Полет», лениво и не спеша, одаривая пробегающих мимо нее коллег чуть заметным кивком головы. Она могла себе позволить опоздать на работу и никому, даже вышестоящему руководству телевизионного канала, в голову не приходило поинтересоваться истинной причиной ее отсутствия на рабочем месте.

Татьяна Стервозова прочно отвоевала себе на канале особый статус, она не только согласно штатному расписанию числилась редактором службы информации, но и никому не позволяла занять главное и значимое среди коллег телевизионщиков место – стервы. И дело не в фамилии, которая раз и навсегда закрепила за ней прозвище Стерва, характер у девушки Тани – еще тот. Точнее бабы, которая в 45 ягодкой не была, но луковицей, от которой плакали слабохарактерные сотрудники телекомпании, являлась на редкость ядовитой.

Бывшая спортсменка по художественной гимнастике Татьяна Васильевна, росла исключительно в ширину, попытки сбросить лишний вес заканчивались для нее полным и безоговорочным фиаско. И так сойдет, говорила она, глядя по утрам на себя в зеркало.

Короткая стрижка и осветленные волосы Стервозову несколько не молодили, но сладко ублаживали ее творческое сознание, что она, хотя и крашенная, но блондинка. А значит, согласно последним социологическим исследованиям, она должна нравиться сильной половине человечества.

Муж Толик худосочный инженеришка – единственно присутствующий в ее жизни мужчина. Они оба давно смирились не только с ремонтом, который затянулся на десятилетие в их частном доме, но и научились спать по разным комнатам. От постоянных конфликтов Стервы и Толика выиграл их тринадцатилетний летний сын Мишка, он научился клянчить по очереди деньги у обоих родителей. Ребенок знал, что предки практически не разговаривают, а потому каждый из них старался добросовестно исполнять родительский долг и щедро пополнял утром карманы единственного отпрыска. Как всякий ребенок, Мишка любил родителей, его попытки примирить вечно враждующие стороны иногда заканчивались успешно.

В семилетнем возрасте он писал им слезные записки и прикреплял их на самое видное и важное место в доме, на холодильник. «Папа и мама не ругайтесь, я вас люблю. Ваш Миша». Послания трогали их зачерствевшие души ненадолго. Обнаружив невымытую чашку на телевизоре или грязное полотенце в постели, Татьяна шла в очередное наступление на мужа и перемирия – как не бывало.

Вдоволь накричавшись, она вдруг обнаруживала, что оказывается, никчемные инженеры, у которых руки росли не из того места что у всех нормальных мужей, могут научиться за долгие годы семейного противостояния огрызаться. И они грызлись постоянно, отчаянно, по любому поводу. В течение многих лет по хорошо проверенному, старому сценарию: она стерва, он жертва.

Стоит ли удивляться, что в девять лет Мишка решил сбежать из дома, этот отчаянный поступок сына, не сблизил родителей, наоборот. За случившийся побег каждый из участников семейного конфликта переложил вину на противоположную сторону. Через несколько лет после побега ребенок сильно возмужал и окончательно огрубел душой. Этого никто не заметил.

Стервозова с Толиком разводиться не собиралась (еще чего – имущество делить), а у сына, искренне считала она, кроме проблем связанных с переходным возрастом – других трудностей нет.

Каждое утро, безрадостно вышагивая по коридорам телекомпании «Полет», Татьяна Васильевна мечтала о гармонии тела, души, мыслей и поступков. Самому стервозному редактору службы информации до учащенного сердцебиения хотелось добраться до больших денег, закончить ненавистный ремонт в собственном доме, найти хорошего любовника для восстановления женского здоровья и еще, чтобы ее не дергали на работе по пустякам.

Стервозова открыла дверь родной редакции информации, вдохнула знакомый, прокуренный воздух. Началось.

– Татьяна Васильевна, – зашепелявила новая практикантка, – только, что звонила женщина – на бульваре Шевченко раздают листовки против Виктора Япановича. Это черный пиар!

«Дура», – скривилась Стервозова, это самое лучшее, что она подумала о рвущейся в бой молодой журналистке. Ничего ее так не раздражало, как эта предвыборная кампания. Главный учредитель телеканала ЗАО «Полет» вступил в «Партию Губерний», он наклонял всех и вся, чтоб прославляли нынешнего премьера Виктора Федоровича Япановича, который хотел стать следующим президентом Закраины, после незабвенного Леонида Кучкиста. «Щаззз, разбежалась я на него работать», – бунтовала мысленно Стерва. – «Не дождутся. Власть на то и власть, чтобы ее журналисты не любили. Брак по расчету возможен. Но, не более того»...

– Татьяна Васильевна, можно я поеду, – не унималась желторотая практикантка.

– Ты, девочка, сначала научись писать сюжеты без грамматических ошибок, – громко прорычал редактор в юбке. – А потом на оперативные съемки проситься будешь.

Лицо практикантки мгновенно побагровело. Она, отличница курса всегда писала грамотно, однако спорить не стала, против танка нет приема, с ним безоружной практикантке не справиться.

Танк в женском обличии гусеницами проехал вдоль длинного ряда компьютерный столов, которые словно по команде под тяжестью редакторского взгляда, унизительно прогнулись. Офисные столы, рядовые службы информации ежедневно испытывали стресс, отчего периодически ломались, валялись на ноги, теряя лакированный блеск. Вот и сейчас они с большим уважением и трепетом смотрели в спину медленно движущейся железной дамы. Шептались:

– Видели, видели Стерва идет.

– Настроение у нее так себе.

– Сейчас начнется. Тихо!

– Молчите, а то и нам перепадет.

Танк резко остановился, совершил привычный поворот на сто восемьдесят градусов и припарковался на рабочем месте.

– Доброе утро, всем, – тоном начальника приветствовала коллег Татьяна Васильевна.

– Доброе, доброе утро, здравствуйте, – послышалось в ответ.

Редкое стечение обстоятельств, когда все корреспонденты информационной службы находятся на рабочих местах. «Непорядок, пора работать», – подумала Татьяна Стервозова и начала разбираться.

– Что случилось, почему все здесь, кто должен ехать на пресс-конференцию?

– Я, – безропотно ответила Лара Лисичкина.

– И? – округлив ядовито-зеленые глаза, поинтересовалась Стервозова.

– Так сказали – собрание, сказали – никому не расходиться, – отрапортовала Лара Лисичкина.

– Господи, как они задрали. На работу идти не хочется. В столице с журналистами считаются, а здесь нас за быдло держат. Сейчас придут и начнут наклонять, лично я не знаю, как из бандитов ангелов слепить, – начала монолог Татьяна Васильевна. Стерва обладала удивительной привычкой все, даже личное, проговаривать вслух. С одной стороны казалось – открытая душа, с другой, присутствующие понимали – Стерва дает правильную установку. Хочешь выжить в редакции новостей «Новый день» – раскрой уши и слушай шефа.

Не директора телеканала Богдана Сююткина, а ее, Татьяну Васильевну Стервозову.

Да и кто такой Сююткин? Сама Стервозова за глаза называет его Оно. Оно бывает красным, белым, голубым, одевается в яркие непременно одного цвета, почти эстрадные костюмы, правильно к ним в тон подбирает галстук и обувь. Но, Оно ничего не знает и не хочет знать о работе телеканала, его проблемах, зарплатах сотрудников, исчерпанном технический ресурс оборудовании.

Оно успешно и на протяжении многих лет руководит лучшей телекомпанией в городе Задорожье ЗАО «Полет». Являясь обладателем заурядного диплома промтеплоэнергетика, Богдан Степанович Сююткин преподает на факультете журналистики в местном университете. Толпы студенток, снующих коридорами телекомпании – его большущая заслуга. Желторотики отвлекают от основной работы журналистов, но кого это волнует? Главное – свежие идеи, молодые, талантливые кадры, – нарочито подчеркивает в выступлениях на собраниях трудового коллектива Богдан Степанович. Старожилы уверены – директор хочет избавиться от них. Детям платят копейки, студенты не вникают в финансовые схемы телекомпании. Когда они поймут, сколько наличных денег ежемесячно оседает в оттопыренных карманах первой тройки руководителей канала, им успеют подыскать замену. Их место займут молодые, талантливые, перспективные. Это на центральных каналах рейтинги, звезды, достойное существование телевизионных акул. В провинции рады и карасям. Большим и маленьким, но карасям. Какое существование у карасей? Что они могут? Мутить воду в местном озере?

Предположим, они осмелятся открыть рыбий ротик и очень громко на всю редакцию службы информации, а лучше в прямом эфире родного телеканала молвить правду-матку. Роль камикадзе, решившего поведать миру правду, заманчива для любого журналиста. Он может вооружиться компьютерной мышкой или взять в руки более действенное оружие против лжи – микрофон, громко брякнуть то, что думает о себе и окружающих. Однако кусок хлеба, даже если на нем нет масла, для провинциального журналиста важнее самой правдивой на всем белом свете правды. Просто, кушать хочется каждый божий день. Точнее пожрать, купить новые джинсы, рассчитаться с долгами...

Аморальная журналистская мораль.

Поэтому, когда распахнулась дверь редакции и в нее, словно ветер, ворвался Богдан Сююткин, увлекая за собой на территорию редакции владельца телеканала и его свиту, ни один мускул на лицах журналистов, ожидавших больше часа начала собрания, не дрогнул. Предстоит слушать и молчать, молчать и слушать. Тихо, караси, на озеро прибыли знатные рыбаки! Пауза. Работаем. Делаем вид, что слушаем, – решили журналисты новостей и натянули на лица почтенные, доброжелательные маски.

– Вот, вы видите, в каких условиях трудятся наши журналисты, – нескромно петушился Сююткин. Гости одобрительно закачали головами. Коренные обитатели служебного помещения – корреспонденты знали: заслуги Сююткина в этом нет. Евроремонт сделан старым директором, а сам Богдан Степанович после нескольких лет уговоров и напоминаний со стороны журналистов напрягся и вместо старой мебели купил подешевке новые компьютерные столы и стулья. А так как собственник канала посещал эфирное детище только в период выборов, директор телеканала ЗАО «Полет» господин Сююткин смело выдавал желаемое за действительное.

– Теперь о главном, – концентрируя на себе внимание журналистской аудитории, выкрикнул Сююткин, – Предвыборная гонка дала старт, сегодня, мы не просто выбираем главу государства, президента страны, нашей любимой Закраины, мы выбираем, как будем жить дальше.

Богдан Стенанович многозначительно посмотрел в сторону владельца канала, правильно ли выбран курс?

По выражению лица обладателя контрольного пакета акций понял – правильно.

– Согласитесь, мы с вами стали жить стабильно. ВВП – 12 %, в несколько раз увеличились пенсии и зарплаты. Зачем менять политический курс? Вы же понимаете, – чуть понизил голос Сююткин, – если к власти придут новые политики, в Закраине наступит передел, – тут он запнулся. – Передел, а нужен ли нам всем передел?

– Все, моторчик у Богдана Степановича заглох, – шепотом прокомментировала грандиозное по масштабу и замыслу выступление директора Лара Лисичкина, корреспонденту спортивной редакции Ромке Безухову.

– Не дожدهшься, сейчас выкрутится. – Еще более тихим голосом ответил ей Ромка. Пауза затянулась.

– А сейчас Лысый, – решил повеселить рядом сидящих журналистов Ромка.

Но шутку расслышала только Лисичкина, она захихикала в маленькую, ухоженную, лисью ладошку. Татьяна Стервозова сердито уставилась на Лисичкину. В отличие от главной стервы службы информации, Сююткин, любил свой безупречный во всем образ директора, и ничего крамольного в действиях сотрудников не заметил. Ему нужно срочно найти выход из словесного пике. Как-то Богдан Степанович завис. Ну, конечно, пора передавать эстафетную палочку.

– А теперь, я хочу слово предоставить владельцу нашего замечательного телеканала «Полет» представителю «Партии Губерний» Артуру Владимировичу Лысому.

– Я же говорил, а теперь Лысый. Нет, лучше горбатый, – не унимался Ромка, ему нравилось веселить публику.

Народ в редакции, как по команде перестал улыбаться. Журналистская братия без должного внимания, но с показательным почтением переключила внимание с придворного Сююткина на короля информационного бизнеса Артура Лысого.

На Лысом природа позволила себе, отдохнуть, она полностью лишила его шикарной шевелюры на голове, а также позабыла из щедрых запасов наделить его бровями, ресницами и даже волосами на груди и загребущих олигархических руках. Лара Лисичкина являлась стопроцентной женщиной в сфере чувств и развлечений. Поэтому, каждый раз, когда Артур Лысый посещал их редакцию, а случалось это крайне редко, она мысленно задавала себе один и тот же вопрос. Смогла бы она переспать с очень богатым, но совершенно не волосатым, как ее гладкая голая коленка, мужчиной. Думала над дилеммой Лара недолго. Скорее да, чем нет, пророчески вещал ее внутренний голос. Ничего такого Лысый ей не предлагал, он жил другой, сытой жизнью. Ларе Лисичкиной оставалось настроить свои лисьи ушки на прием грубо вибрирующих голосовых связок, совершенно неволосатого мужчины, придать умное выражение хитрой мордочке и покорно слушать политическую ерунду.

– Вы меня хорошо знаете, я вас беспокою не часто. – Артур Лысый пристально окинул взором аудиторию. – Все это время мы не вмешивались в творческий процесс, зарплату вы все получали своевременно. Или я не прав?

– Правы, совершенно, абсолютно правы, – занервничал Богдан Степанович.

– Я, как член партии власти, нашей «Партии Губерний», хочу попросить вас поддержать на выборах нашу политическую силу, и нашего кандидата в президенты Виктора Федоровича Япановича. Думаю, вы люди образованные, поэтому правильно оцениваете возникшую в стране ситуацию. Вся промышленность нашей задорожной губернии неразрывно связана с Россией. Вспомните о проекте военно – транспортного самолета Ан-70. В этот совместный проект Закраины и России вложено более 5 млрд. долларов. Мне представить страшно, что произойдет в стране, если к власти придет оппозиционная команда, возглавляемая Виктором Юбченко, с ее явными симпатиями к Западу. Проект Ан – 70 мы благополучно похороним!

И потом? Америка нас газом не обеспечит, для нее Закраина – промежуточный плацдарм. Ее коварные геополитические планы направлены на Россию с ее природными ресурсами. Вы хоть представляете, что произойдет, если Россия станет продавать Закраине газ по рыноч-

ной цене? Тарифы на жилищно-коммунальные услуги мгновенно вырастут в 2–4 раза, большинство предприятий сократят объемы производства или вовсе прекратят существование.

Я видел отчет аналитиков. Или мы с Россией, или Закраину ожидает коллапс в экономике. Мы в 2004 году только-только достигли стабильности. Лучше несовершенные правила в экономике и политике как сейчас, чем хаос, к которому нас приведет команда Юбченко. Говорит Виктор Андреевич красиво, как западный проповедник, послушаешь его на митингах – все у него воры и бандиты. А где он наберет столько профессиональных чиновников с чистыми руками, чтобы управлять страной? Все эти лозунги, оранжевые ленточки – красивая атрибутика и только. Надеюсь на ваш здравый смысл, на ваш профессионализм. Надеюсь, что вы поддержите на выборах нынешнего премьера, крепкого хозяйственника Виктора Япановича. Он, по моему губернскому убеждению, станет достойным президентом Закраины.

– Какие еще нужны аргументы? – поинтересовался Богдан Степанович у неблагодарной, пишущей братии.

– Никаких, – добродушно заявил Безухов, на стадион я уже опоздал.

– А я на пресс-конференцию опаздываю. А я, Богдан Степанович, в налоговую, – послышалось со всех концов редакции.

– Вот, – с улыбкой ретировался Богдан Сююткин перед Артуром Лысым, – им зрелищ не надо, работу давай.

Аудитория ожила, зазвонили мобильные телефоны, народ стал переговариваться.

– Пройдемте на первый этаж, в молодежную редакцию. Нас там очень ждут, – суетился Сююткин.

Гости удалились. Роман Безухов демонстративно похлопал входной дверью им вслед.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Татьяна Васильевна Стервозова.

– Мы забыли похлопать оратору, а редакционная дверь – самая воспитанная среди нас. Видите, Татьяна Васильевна, как она старается, хлопает во всю ширину своей деревянной души дорогим гостям! Сейчас у нее, сердешной, ручка от несказанной радости отпадет. И что мы без благодетелей будем делать, кто нас уму-разуму научит? – достав носовой платок, Безухов стал нарочито плакать и сморкаться в него. – Ты успокоишься или нет, хватит хлопать, все петли отлетят, – паясничал Безухов, обращаясь к редакционной двери.

Деревянная дверь сердито молчала в ответ, она не любила наглого Ромку, политиков и начальство. Она не любила публичность, но строго выполняла служебные обязанности всех впускать и выпускать. Она хотела служить людям, но не прислуживать. Дверь демонстративно сопротивлялась. Ромке надоело кривляться, дергая скрипучую дверь и он отстал. Театрализованное представление закончено.

Пора работать. Журналисты вооружались. Прихватив блокноты и видеокассеты, они помчалась на съемки.

В редакции информации, кроме Стервы, остались трое: мадам Лисичкина, которая интенсивно красила глаза, Жора Волкодав, ведущий рубрики криминальная хроника, ушедший с головой в Интернет, и Наташка Благова, решившая второй раз плотно позавтракать.

– Благова, ты собиралась худеть, – решила, как обычно поиздеваться над ней Стервозова, хотя сама страдала от излишнего веса.

– А я и худею, – с улыбкой на лице отражала нападение Благова.

– Придется тебе помочь, – Стервозова встала, подошла к Наташке и бесцеремонно оторвала половину бутерброда.

– Теперь ты точно не поправишься. Слышишь, Волкодав, – сменив объект своего пристального внимания, обратилась Татьяна Васильевна к парню внушительных размеров, который ушел от повседневной суеты в мир жесткого и прагматичного порно. – Как тебе весь этот цирк с Россией, самолетом и Америкой? Где она, а где мы. Профессор... Жорик, представ-

ляешь, Япанович написал в автобиографии слово профессор с двумя фф. Вчера прочитала в Интернете, до сих пор прийти в себя не могу, – не унималась Татьяна Стервозова.

– Не представляю, – возбужденно прохрипел Жорик.

Стервозова заглянула Волкодаву через плечо.

– Нет, ну ты точно маньяк. Ты на работе или куда? Трупы давай, криминальные разборки, поднимай жирный зад и рысью на сюжет. Слышишь!!!

– Трупы будут. Моя профессиональная интуиция подсказывает, преступление должно произойти через полчаса – успокоил Жорик, горластого редактора. – Будет очень много трупов. Сегодня я расскажу вам, ребята, страшную-престрашную историю про профессора, который любил, есть маленьких и пухленьких журналисток. Изображая страшного профессора Волкодав, словно ниндзя, выпрыгнул из-за рабочего стола.

И напал на очередную жертву – Наташку Благову. Волкодав стал неприлично тискать Благову, изображая кровожадного маньяка с нездоровой сексуальной ориентацией. Наташка не на шутку испугалась, на ее крик прибежали ребята из соседней спортивной редакции. Шутку с профессором они не поняли, а потому оценить ее не смогли, лишь перебросились парой фраз с пострадавшей и предложили ей пройти плановый курс реабилитации в курилке.

На убогих, выщербленных ступеньках между лестничными пролетами, среди густого табачного дыма и шуток коллег Наташка Благова чувствовала себя защищенной. Но у каждой паузы, даже рекламной есть строго регламентированный хронометраж. Перекур закончен. От Наташкиной сигареты остался обугленный фильтр. Вот она, знакомая молчаливая гордая деревянная дверь, родная редакция новостей.

– Господи, – успокоившись, рассуждала, вслух Наташка. – Ну, ошибся человек, подумаешь, написал два «ф» в слове профессор.

Напрасно Благова подумала вслух, это не ее любимая привычка. Ох, напрасно. Реакция Стервозовой последовала незамедлительно. Ее негативные эмоции, накопившиеся за время проведения собрания, не просто выплеснулись на бедную Наташку, они, буквально утопили защитницу профессора, уроженца славного город Гонецка, в словесной брани. «Где ты, спасательный круг», – мысленно взмолилась к снисхождению высших сил Наташка Благова, но помощь от коллег не последовала.

Танк надвигался, все речевые механизмы Стервы работали исправно, Наташке как в детстве, стало страшно, она закрыла глаза и приготовилась к худшему, словесной ненормативной бомбардировке. Слава Богу, в дверь постучали.

– Женька, привет, – обрадовалась Лисичкина.

– Какими судьбами, – спросил Волкодав.

– Вот пришла в гости. Что у вас происходит? Слышу крики, а драки нет. – Переступив порог редакции новостей, вступила в информационный контакт с журналистами Женька Комисар. И спинным мозгом почувствовала – обстановка на родном телеканале «Полет» накаляется.

Выборы. На войне, как на войне. Политические фронты официально открыты.

– Воюем!!! Пока жертв нет. Но появятся, – мгновенно сменив гнев на милость, отреагировала Стерва. Она решила на время выпустить жертву из цепких стервозных лап.

На протяжении многих лет Татьяна Стервозова, Евгения Комисар и Наталья Благова считались лучшими подругами.

Сила женщины в ее слабости

Одинадцать лет Евгения Комисар пробегала журналистом в редакции новостей «Новый день». Большие карие глаза, удлиненное каре, спортивная кепка на голове, мужской характер, прирожденная коммуникабельность, склонность к анализу и постоянное стремление к самообразованию являлись ее неизменными спутниками. Она шла по жизни легкой спортивной походкой, маленькая хрупкая женщина, решившая для себя, что если делать карьеру, то головой, если жить с мужчиной, то по любви, если иметь друзей, то не по расчету. Гениально, просто, а потому невыполнимо. Карьера у Женьки не удалась. Первые руководители телеканала менялись, как перчатки, ни один из них не рискнул двинуть Татьяну Васильевну Стервозову по служебной лестнице. Характер у Стервы тяжелый, поэтому Татьяну Васильевну держали в специальной ограниченной зоне – новостной. Редакция информации напоминала подводную лодку, выйти в творческое плавание на ней можно, а вот сойти на сушу и попасть в командный штаб – никогда. Поэтому возглавляли отделы, становились продюсерами, главными режиссерами люди, пришедшие с других телекомпаний или совершенно не имевшие телевизионного опыта работы. А доморощенные журналисты в жару, в лютый мороз, невзирая на почтенный возраст, бегали как школьники, с микрофонами в руках. Оплата, в независимости от выслуги лет и званий, стабильно составляла 100 долларов и ни центом больше. Подобная незатейливая оценка труда в денежном эквиваленте автоматически вынуждала акул пера покидать бескрайний голубой эфир, в поисках хлебных и достойных для творческого обитания мест.

Женька Комисар под руководством Богдана Степановича Сюсюткина работать не захотела, она ушла бороздить политические просторы и нашла себе место в Пиар Центре. Любви в Женькиной жизни слишком мало, чтобы ею разбрасываться и не дорожить. Сашка Громов непризнанный художник и по совместительству ее муж стабильных денег не зарабатывал, зато голых натурщиц, благодаря его творчеству, полон дом. Комисар мечтала о ребенке, он о мировом признании, так и жили на одну журналистскую зарплату и ее бесконечные телевизионные халтуры. «Кому левые ролики, фильмы, сюжеты», – крупными буквами написано на Женькином лице. Халтурить она не прекращала, хотя и получала в Пиар Центре в пять раз больше, чем раньше, работая журналистом в новостях. Ей нужны деньги. Десять тысяч долларов стоит зачать ребенка неестественным путем, таков приговор местных эскулапов. Человеческого детеныша необходимо успешно зачать, выносить и родить! А сколько денег необходимо, чтобы вырастить малыша? Женька морально готова пройти сложные жизненные испытания, заработать много денег, любым возможным способом, ухитриться родить малыша.

Родить (ей в этом году стукнет сорок лет) времени почти не осталось, но есть надежда войти в последний вагон уходящего на полном ходу поезда судьбы. Деньги!!! Ей хотелось заработать как можно больше денег! А потом воплотить сокровенную мечту в жизнь. И Комисар это удавалось.

По распоряжению ее шефа, Александра Куликова, руководителя Пиар Центра, ее кандидатуру утвердили на роль ведущей в новом политическом ток-шоу «Родной город». Зрители быстро переименовали программу в «Чужой город». Кто любит богатых, толстокожих номенклатурщиков? Это сегодня номенклатурщики разбежались по разным партиям, а вчера состояли в рядах одной коммунистической, теперь все дружно ее хулят и топчут быстрыми, казенными ножками. Куликовское ток – шоу «Родной Город» неразрывно связано с местной программой новостей. Сначала горожанам, не щадя их нервов, намыливают как следует мозги в новостях, а потом тщательно их полощут вечером в прямом эфире ток-шоу. Политическими технологиями пропитана каждая минута, каждый час, каждый день, месяцы и годы Женькиной жизни. Рабочие будни плавно перетекают в праздничные дни. Работа, работа и еще раз работа.

Поэтому Комисар так ценит дружеские отношения, взаимопонимание, людей, которые ей по-настоящему дороги. Правда, последнее время Наташка Благова ей частенько жаловалась на Стерву, которая постоянно конфликтует. Пройдет, утешала себя Женька.

Просто девчонки полярные. Стерва, она и в жизни стерва, а Благову от любви ко всем и каждому распирает, имеем две крайности. Посредине она – Женька, значит ей суждено мирить подруг, быть связующим звеном. Все будет, как раньше. Или не будет? Будет, будет, – твердила в унисон учащенно бьющегося сердца Женька.

Она понимала, что сейчас смотрит на происходящие события сквозь розовые очки, и снять их под дулом вражеского пистолета не согласится. Правда, кому нужна правда в разгар предвыборных страстей. Выборы приходят и уходят, а друзья остаются. Обладая природным альтруизмом, Женьке приходилось время от времени хладнокровно раскладывать по полочкам политтехнологического сознания факты.

Факты, свидетельствующие о том, что женская дружба не вечна, если в процессе ее жизнедеятельности принимает активное участие госпожа политика. Эта, стерва в квадрате, кого угодно способна рассорить.

Ежедневно анализируя, как формирует новости Стервозова, Женька Комисар ясно понимала – Танька симпатизирует Виктору Юбченко. Над остальными кандидатами она постоянно смеется, главный герой ее редакционных монологов и язвительных шуток – бандит Витя. Наташка Благова не скрывала от Женки связанного с этими обстоятельствами беспокойства. Еще бы, Наташке поручил сам Богдан Степанович Сююткин освещать в информационных выпусках Виктора Федоровича, это генеральная линия владельца телеканала – поддержать кандидатуру Виктора Япановича на губернском уровне, показать его самые лучшие стороны, как государственного лидера. Виктор Япанович должен в ближайшие дни приехать в Махнополь, посетить взорвавшиеся по халатности военных склады боеприпасов в Старобогдановке, торжественно открыть в пострадавшем селе новую школу. В памяти Женьки Комисар, при слове Старобогдановка автоматически всплыла информация, которую она готовила лично для директора Пиар Центра Александра Куликова. Он, прочитав ее, искренне расстроился, и, сняв с себя маску интеллигента, от души выругался.

– Вот сволота!!!

Незадолго до прозвучавших в Старобогдановке взрывов государству, говорилось в отчете Женьки, на приведение складской территории в порядок необходимо было потратить всего 5 млн. закраинок. Через год, чтобы устранить последствия от разорвавшихся боеприпасов, Закраина выделила из бюджета 46 млн. закраинок.

Напоминает притчу, когда мужик зажег в темноте пятирублевую купюру, чтобы найти закатившийся пятак. Радикально творчески завершила Женька официальный отчет. «Про пятак лишнее», – дочитав до конца документ, выдал, из себя три веских слова Куликов. Он злился. Нет, не на Женьку, на власть, которую выбирай, не выбирай, а в итоге каждый закраинец знает, что получит.

Как сказать Стерве, нет, не про вечный конфликт власти и народа, не про армейские склады, которые сначала разграбили, а потом подорвали? Как сказать Таньке Стервозовой, что ее лучшая подруга с сегодняшнего дня работает в штабе «Партии Губерний» на Виктора Япановича?

Женьке Комисар поручено курировать каждое слово в новостях, писать темники для журналистов, думать, пиарить, анализировать, делать так, чтобы за кандидатуру Виктора Япановича 70 % избирателей города Задоржья отдали голоса.

Работу не выбирают, в Пиар Центре каждому сотруднику достался свой кандидат в президенты. Кинахао, Симоненков, Морозко, Черновецкинский. Вот бы курировать, к примеру, господина Черновецкинского размечталась Женька. Явно непроходной кандидат. И денег заработаешь, и совесть перед людьми чиста. Во второй тур избирательной кампании выйдут две

кандидатуры – Виктор Юбченко и Виктор Япанович, к гадалке не ходить. Лучшие подруги сойдутся именно в этом месте избирательной кампании на узком политическом мосту. Неужели не разойдемся, мысленно тиранила себя тревожным вопросом Женька. Выборы – выборами, политики власть делят, а нам, что делить, кроме женских проблем, разве что ими безгранично богаты! Пора, пора все честно Таньке рассказать.

– Тань, – вступила на тропу диалога Женька, – что у вас с Наташкой Благовой, почему у нее глаза на мокром месте.

– Бла-го-ва, – громко и протяжно позвала ее Стерва.

Наташка, махнула рукой и быстрым шагом вышла из редакции.

– Зачем Наташку тиранишь?

– Я эту животину выведу на чистую воду, каждый день на работу опаздывает, – нашла повод придраться Стерва.

– Можно подумать, ты вовремя приходишь?

– Ты меня с ней не равняй, – огрызнулась Стервозова, – я начальник, она – дурак. Ладно, – улыбнулась первый раз за все утро Татьяна Васильевна, – как у тебя дела на поприще пиара, деньги платят? Или имеют нашего брата нашару?

– Платят, – созналась Женька, она привыкла доверять людям, с которыми проработала много лет. – Клиентов я не выбираю и это главная проблема. Куликов утешает – к примеру, хирургу на стол положили бандита, так его что не оперировать?

– Сравнил, медицину и политику. Ты сама стремишься к такой работе, говорила тебе, Комисар, оставайся у нас. Нет тебя, так в дерьмо и тянет, не жалуйся.

– А я и не жалуюсь, – с грустью в голосе сказала Женька. – Не жалуюсь, а хочу тебя перед фактом поставить, я назначена куратором в СМИ от штаба Виктора Япановича, работаю в сером штабе «Партии Губерний».

– Говоришь в сером, а подразумеваем, что в черном? Значит, на Япановича!!! – закипала Стерва.

– Не кипятись, серый штаб – это разработка различных политических проектов в рамках избирательной кампании. Я обязана контролировать работу СМИ в задорожной губернии. Ты что, думаешь, в Штабе у Юбченко или Морозко ангелы, и дальше официальной агитации они не идут? Подумай, Татьяна это хорошо, что куратором в СМИ назначили именно меня. Обещаю темников для журналистов не писать, договариваться будем.

– И все за спасибо? – поинтересовалась Стервозова.

– От меня в смысле финансов ничего не зависит, я поставила начальника штаба перед фактом – хотите, чтобы журналисты работали – платите.

– Не утешай, кинут. И потом, много не дадут, а за двести долларов я на Япановича работать не буду. Не буду работать, слышишь Комисар!

– Татьяна, а куда ты денешься с подводной лодки. Ты не на Виктора Япановича работать будешь, а телекомпанию «Полет», на Артура Лысого и его команду. Не забыла, он собственник канала? Согласись, Артур неплохой мужик, на горизонте возникает только во время выборов.

– Та, пошли они все эти собственники.

– Пошли не пошли, а человеку твоему придется сейчас поехать в район бульвара Шевченко, где листовки против Япановича раздают. Это по поводу чистоты работы других штабов. Содержание провокационной листовки нужно придумать, напечатать, раздать. Танька, мы с тобой много лет из одной чашки чай без сахара хлебали, давай не будем сориться. У них общие бабки, бани и девки, а нам что делить?

Евгения Комисар почувствовала, как у нее заныл позвоночник. Она давно заметила, если переступает через определенные жизненные принципы, первым в организме дает о себе знать позвоночник. Идет сбой энергетического центра всего тела, разбалансировка нервной системы, как следствие – боль.

– Ладно, – смилостивилась Танька. Она посмотрела в сторону практикантки, встретилась с ней глазами и еле слышно сказала. – Собирайся, поедешь на бульвар Шевченко, посмотришь, что к чему. Заявку на машину я подпишу.

Посылает новичка, значит, хорошего материала не будет. Хотя что-то для начала. Стерву не переделаешь, с грустью, подумала Женька.

Сука кобелю не товарищ

Вик сидел в кухне под домашним арестом. Где это видано, голая тетка расхаживает по квартире, а я не могу ее понюхать, возмущался пес. Хозяин открыл дверь ключом, так этот глупый пучек перьев истерически завопил на весь коридор, что он до смерти боится собак. Неудивительно, что Вика заперли на территории общепита. «Все сучки – дуры», – возмущался кобель.

Он подошел к двери и словно домашний новенький пылесос, засопев большими ноздрями, стал втягивать загадочный запах духов, свежего женского пота, провокационно растворившегося за дверью кухни.

Вик решил просунуть нос в щель между дверью и полом. Ничего хорошего из этого не получилось. Пес с горечью для себя заметил дохленького таракана, который без труда пролез в щелку и медленно двигался в сторону комнаты хозяина, а значит и гости. Собачьи инстинкты взяли вверх над правилами хорошего тона. Вик стал делать подкоп, к утру выйду, успел подумать он, как дверь нервно распахнулась, и на пороге появился хозяин.

– Место! – истерически закричал он. – Ты, мне работать мешаешь. Лежать, лежать я сказал.

Вик подчинился. Хозяин взял турку, налил в нее из пластмассового бака очищенной воды, поставил ее на плиту. Попытка реанимировать отсыревшие спички и поджечь конфорку успехом не увенчалась.

– Вот сволочь, опять ты коробок обслюнявил, – обвинил хозяин Вика.

Пес понимал – претензии обоснованы. Он лежал мирно на своем матрасе, в позе послушной собаки, изредка глубоко и с чувством вздыхая.

Единственное, что умел хорошо делать хозяин, это варить вкусный кофе. Вик горячий напиток не пробовал, хозяйка всегда хвалила мужа, когда он по утрам приносил ароматный кофе ей в постель. Когда это было в последний раз, пес вспомнить не мог, как ни напрягал бойцовские мозги.

Хозяин недружелюбно стоял к псу спиной, помешивая длинной ложечкой бурлящий в турке кофе.

Бедная хозяйка, не любит он ее, а значит и меня, пришел к неутешительному выводу пес. – А еще художник, утонченная натура! Я, – подумал пес, – хозяйку больше мясной косточки люблю, и каждое утро прихожу к ней, чтоб первым лизнуть ее в сухой, курносый носик. А ты художник, словно купированный хвост, не знаешь, что такое ласка и нежность! Каждая сука в этой жизни хочет нежности и неважно собака она или женщина. Эх, люди, люди, чем вы лучше собак! Ты ко мне повернулся широкой спиной? Не уважаешь меня. Не уважаешь, значит.

А чужую тетку уважаешь! Голая тетка расхаживает по квартире в компании полудохлого таракана. За теткой глаз да глаз нужен.

О тараканах! Вчера хозяйка изрисовала всю мебель в кухне белым, неприятно пахнущим мелком. Я решил, что она хочет стать художником, как ее непутевый муж. Но повелительница домашних кастрюль и сковородок объяснила мне, тыча мелком прямо в морду, что это Машенька, отравы, поэтому белые линии на кухонной мебели слизывать нельзя. Это сделают тараканы, и благополучно к обеду умрут.

Смерти пес боялся больше всего на свете, белые линии слизывать не стал, единственная загадка, кто такая Машенька. К хозяину, рассуждал Вик, как бабочки на яркий свет ежедневно слетаются натурщицы. Наверное, эту Машеньку хозяйка, как и тараканов, невзлюбила больше, остальных и, не мучаясь угрызениями совести, решила от нее избавиться. Правильно, – одоб-

рил неблагоприятный поступок хозяйки верный пес. Шляются тут всякие, а меня на кухне закрывают, – злобно зарычал Вик.

Покинуть замкнутое пространство захотел не только хозяйский кобель, но и доведенный до полного кипения кофе. Обуздать горячий напиток легче, чем пятилетнего стаффа. В первую очередь, хозяин уделил внимание кофеварке, двум маленьким чашечкам, которые с любовью и осторожностью он наполнил дымящимся, ароматным кофе. Идиллию нарушил открытый холодильник, оттуда хозяин достал масло, колбасу, сыр.

Вик подошел к хозяину и покорно лизнул его волосатую ногу. Главный обладатель сыра и колбасы нервно дернул ногою, он всегда ходил по дому в обрезанных по колено старых джинсах. Очень удобно, если бы не телячьи нежности назойливого пса.

– Вик, место. Не мечтай, колбасу ты сегодня не заслужил, – прогремел Александр Громов.

Слова хозяина прозвучали, как приговор. Вик не на шутку разозлился. А ну если, Машенька, как и доходяга таракан, уже нализалась белых линий на хозяйской мебели и глупому пучку перьев осталось жить считанные часы, а он ей сыр нарежет. Безобразии!!!

Хозяин дома продолжал неуклонно следовать собственному сценарию приема дорогих гостей. Сыр он нарезал крупными треугольниками, копченую колбаску бережно настрогал тонкими кружочками. У пса существовали свои круги, которые он наматывал вокруг потных ног строгого хозяина. Форма та же, запах, простите, другой. Вик злился. Очень злился. Кормить глупый пучок перьев губернской колбасой высшего сорта, это наглость, которую мог себе позволить отъявленный художник.

Попытки пса открыть лапой предательскую кухонную дверь с третьей попытки увенчались успехом. Очень тихо, подобно легкому сквознячку, пес проследовал в комнату хозяина. Вик помнил, к хозяйке идти прямо и налево, к хозяину наоборот, никуда не сворачивая по коридору прямо. Кобель не ошибся дверью, перед ним в полупрофиль сидела, в чем мама родила Машенька, эротично запрокинув ногу на ногу. Гостя умирать от белых линий на мебели не собиралась, в одной руке она держала длинную сигарету, в другой мобильный телефон.

– Сейчас, у нас перерыв. Ты права, он классный. – Замяукала по телефону Машенька.

Конечно, сыр хозяйка покупала классный, – интерпретировал услышанные слова Вик.

– Когда освобожусь, не знаю. Мы только начали, я хочу познакомиться с ним поближе. Ха-ха, еще не пробовала.

Черт, я, потеряла золотую сережку, я тебе перезвоню. Гостя отключила телефон и стала ползать по полу на четвереньках в поиске золотого украшения. Вик возбуждался на улице от дуновения ветра, в потоке которого можно унюхать незнакомый, но такой желанный для любого кобеля запах плоти. Вик хорошо знал, как пахнет настоящая сука. Ситуация провоцировала, черт знает на что. Он неосознанно прыгнул и сразу удачно пристроился позади хрупкого, нежного тела Машеньки.

– Помогите, мама, – заорала не своим голосом натурщица.

«Мама еще не хватало», – зарычал на пойманную суку возбужденный пес.

Мощный удар откинул Вика от предмета собачей страсти. Хозяин для верности пару раз стукнул своего пса старой чугунной сковородой. Кобель не потерял сознание, он злобно зарычал, шерсть на холке поднялась, у него хотели отобрать желанное – суку. Прыжок, еще прыжок, в этот раз хозяину не удалось наказать насильника. Очередной взмах чугунной сковороды угодил по безвинному в этой истории с изнасилованием креслу. Кресло откинуло задние ножки. В ответ, Вик не промахнулся, выбрав правильную траекторию прыжка, он мертвой хваткой вцепился в запястье руки. Хозяин закричал от боли.

Машенька завывала от страха и беспомощности.

– Господи, что мне делать. Что мне делать?

– Люся, закройся в ванной! – скомандовал ей окровавленный художник.

«Люся? – стало постепенно проясняться сознание Вика. – Какая Люся? Она Машенька»...

– Вик, фу, отпусти. Это я, Вик, фу, – кричал от нестерпимой боли хозяин, он впервые осознал, что не контролирует ситуацию, а его пес бойцовой породы перестал подчиняться командам.

– Вик, успокойся, хороший пес, хороший, отпусти папу. Фу, фу, – взмолился художник. Магическое слово «папа» подействовало на кобеля отрезвляюще, как холодный душ.

Вик отпустил окровавленную руку, поджал хвост и сразу почувствовал себя маленьким, жалким, добрым покладистым песиком. Опустив низко голову, он побрел в кухню, лег на место и от стыда хотел умереть.

Хозяин плотно прикрыл за ним дверь и закричал Люсе, чтобы она выходила из ванной и срочно вызвала скорую помощь. Люся плакала в трубку телефона и называла адрес и причину травмы. Врачи приехали на удивление быстро, долго суетились над раненым, но решили пострадавшего не госпитализировать. Собаку посоветовали обследовать и при необходимости усыпить.

Кофе, как и бутерброды, разбросанные на полу в кухне, Машенька не оценила. Она оказалась просто Люсей, поэтому немного посидела в комнате возле укушенного хозяина и ушла. Сам пострадавший принял обезболивающие таблетки и благополучно уснул.

Усатый квартирант, лизнувший белый мел на дверце шкафчика, не знал, что причиной его страшной слабости в ногах является настоящий яд, который китайские производители назвали милым русским именем Машенька. Таракан беспрепятственно дополз до большого бутерброда с сыром, валявшегося на кухне, обрадовался, широко открыл рот и умер.

Вик, главный виновник происшествия, нашел в себе силы и подошел к насекомому. Оно подергивало лапками и выпускало из тщедушного тельца зловонные газики. Господи, ну почему ты умер возле моего любимого сыра, подняв высоко морду к потолку, обратился пес к собачьему богу. Ответа не последовало, широкую бойцовскую грудь заполнила тоска по хозяйке, только она его любит, жалеет, кормит, не водит голых глупых теток в дом и понимает. У-у-у.

Женская дружба бывает?

Фамилия Благова Наташке досталась в наследство от бабушки. Маме хватило мудрости три раза побывать замужем, но сохранить самую благостную фамилию на всем белом свете. Две немолодые, прошедшие тяжкие испытания на личном фронте женщины уговорили Наташку не расставаться с их главной семейной реликвией – фамилией Благова. Как чувствовали, с товарищем Ковбасюком любовь у нее не до гробовой доски, а до первой, непоровну поделенной сосиски.

От Петра Антоновича Ковбасюка на долгую память Наташке осталась дочь. Оле в этом году исполнилось пятнадцать лет, а три года назад Наташка неожиданно для подруг и родственников родила мальчика. На вопрос, кто отец ребенка не отвечала. Через год безуспешных расспросов всем стало все равно. Саньку родственники и друзья любили, а потому с удовольствием нянчили карапуза по очереди.

Жаль, бабушка Наташки после его рождения умерла. Увидела правнука, и на следующий день старушки не стало. Благова не удивлялась, она знала, что ее родная бабушка последние три месяца жила надеждой – увидеть внука. Ей Наташка доверила волнующую друзей и родственников тайну, кто настоящий отец ребенка. Бабушка умела хранить молчание. После ее смерти только Наташка Благова могла ответить на вопрос, кто отец Саньки. Но она, как партизан на общественных допросах, которые ей с завидной периодичностью устраивало близкое окружение, стойко молчала.

Стерва произошедшее событие прокомментировала одним словом – догулялась. Женька Комисар поступок подруги не диагностировала, наоборот, всячески ей помогала.

Женьке Комисар удалось уговорить мужа встретить Наташку Благову с ребенком из роддома. Они так и сфотографировались на пороге больницы вместе.

В центре снимка красуется Наташка, слева от нее стоит Стерва, справа Женькин муж с ребенком на руках, сзади Комисар с подарками, которые практически закрыли ее лицо. С того счастливого момента прошло три года. Благова никак не могла возвратиться к прежней физической форме, ее фигура сохраняла идеальные пропорции талии и бедер, но визуально их объем увеличился вдвое. На последней фотографии проявленной несколько месяцев назад, где подруги втроем, видно – по внушительным габаритам лидирует Стерва.

Благова широка в плечах, словно на плакате «Родина – Мать зовет», одета плохо.

Наташка рассматривала себя на фотоснимках пристальнее, чем подруг. Она искреннее считала, что Женьке Комисар повезло больше всех, она худенькая, как школьница, детей нет, пусть пока радуется жизни.

Наташка сидела в редакции новостей совершенно одна, она хотела увидеть Женьку. Необходимо определиться, как дальше работать. Через два дня в губернию приедет Виктор Япанович. Если на съемки пошлют меня, подумала Наташка Благова, то дело дрянь. «Последняя истерика Стервы, адресованная мне сомнений не вызывает, я новая ее жертва. Дружба, дружбой, – думала про себя «Родина – Мать», рассматривая фотографии, которыми забит нижний ящик ее рабочего стола, – но если в голове у Стервы случилось короткое замыкание, пощады не жди».

До начала прямого эфира ток-шоу «Родной город» осталось пятьдесят минут. Наташка знала, Женька Комисар придет заранее, а значит, у них будет время поговорить.

– Господи, как Олька выросла, скоро замуж захочет, а мамаша без мужика. И сын получился на славу, – Благова не выдержала и поцеловала фотокарточку Саньки, она разговаривала вслух сама с собой. Оказывается это такая роскошь – говорить то, что чувствуешь и думаешь на самом деле.

– Это я от тебя заразилась монологи вслух произносить. Слышишь Стерва, это я тебе говорю, – закричала Благова на всю редакцию информации. – Ты меня сегодня, зачем унижала? Да, я не ношу оранжевых свитеров и не читаю в Интернете слезливые статьи о бедном и благородном Викторе Юбченко. Мне никто из кандидатов в президенты не нравится, ни Виктор Япанович, ни Сан Саныч Морозко, ни Черновецкий. А голосовать я буду за Япановича, потому, что не хочу перемен, передела собственности. Слышишь, Стерва я имею свое мнение, а тебе не нравится Япанович. А вот мне Юбченко не нравится, ну не нравится он мне. Что делать, Танька? Дурь – вся эта политика! Вы мне, девченки, Саньку помогаете растить, я халтуры вам подбрасываю, а теперь получается – мы стоим по разные стороны баррикад. Зачем делить нашу дружбу на синий и оранжевый цвет? Кто не со мной, тот против всех.

Наташка Благова со слезами на глазах взяла большую папку и стала складывать в нее фотографии, они не слушались ее крепких рук и падали, падали на грязный пол редакции. Наташка расстроилась. Дело не в папке, куда не помещается столько фотокарточек, просто женская дружба в представлении Наташки Благовой перестала укладываться в стереотипы о дружбе.

– Тук-тук, Комисара вызывали? – на пороге появилась Женька. – Натали, что за падение нравов, настроения, и фотографий? Давай, я тебе помогу их собрать. Сколько раз говорила: Наташка, заведи альбомы, фотографии это история нашей жизни. А у тебя, как я вижу, постоянный бардак с прошлым, не говоря о настоящем.

– Потому и будущее невеселое, – морализировала в тон подруге Наташка Благова.

– Кстати, о будущем! На Виктора Япановича поедешь ты, с Сююткиным согласовано. Он поначалу не хотел тебя посылать на эту съемку, видно Стервозовой работа.

– Женя, а может пусть другие едут. Давай практикантку, пошлем, ее Стерва после выборов все равно сожрет, она ей давно не нравится, – застонала Благова.

– Тебе не стыдно?

– Не-а. Абсолютно.

– И девочку не жаль? – с иронией в голосе спросила Комисар.

– А кто меня пожалеет? – заныла Наташка Благова.

– Где это видано, владелец телеканала хочет, чтобы мы сражались за синих, за «Партию Губерний», а редактор новостей – чтобы за оранжевых? Женька, а какая позиция у Сююткина? Я с ним сегодня разговаривала, мутит директор, ох мутит. Он и нашим, и вашим, как думаешь?

– Есть тайна, друг мой Благова. Тайна, способная пролить свет на многие почему. Дай слово молчать, – понизив голос, шепотом сказала Женька Комисар.

– Обижаешь, подруга.

– Давай выйдем...

– Зачем? – не поняла Наташка и покорно последовала в коридор за подругой.

– Ты думаешь, нас в редакции прослушивают? – не переставала удивляться Наташка Благова.

– Не думаю, а точно знаю. Служба безопасности Артура Лысого несколько дней назад установила в редакции новостей прослушку, – окончательно нарушила неустойчивое душевное равновесие лучшей подруги Женька Комисар.

– Вот, дура, а я до твоего прихода вещала вслух на всю редакцию собственные откровения про выборы. Япановича, правда не ругала, – вспомнила Наташка.

– Слава Богу, впредь держи длинный язык за зубами. Сигареты есть? – поинтересовалась Женька Комисар.

– В редакции оставила, сейчас принесу, – Наташка Благова метнулась назад на территорию, которая отныне и до окончания выборов будет держать ее в постоянном напряжении. Она теперь знает, думать нужно без звука и эмоций. Прятать потаенные мысли глубоко и надежно в самых глубоких выемках журналистского мозга.

Сейчас у Благовой означало «через час». Женька Комисар за время поиска подругой в ее собственной сумке сигарет успела сделать пару важных звонков по мобильному. Она получила от Александра Куликова пиар-задание сегодняшнего прямого эфира, поздоровалась, и перекинуться парой добрых слов с охранником телекомпании, застувившим в ночную смену.

– Вот, никак не могла найти спички, у Лары Лисичкиной обнаружила в столе, а мои унесли, – оправдывалась, Наташка Благова.

Оправдание принято. Женька знала – редакционные шариковые ручки, спички, предметы общего пользования прятать по карманам, привязывать бесполезно, все равно братья журналисты их унесут. У журналистов хватательные рефлексy – это основа их древнейшей профессии.

– Давай, рассказывай, – теребя сигарету в руках, настаивала на продолжении разговора Наташка Благова.

– Значит так, – начала серьезный разговор Женька Комисар.

– А можно без «Так». Достало!

– Не можно, потому что сложно. Слушай Благова и не перебивай. Наши информаторы... Да не смотри ты на меня осуждающе, наши информаторы сообщили, что оранжевые ведут сегодня переговоры со всеми главными редакторами новостей, с директорами печатных и электронных СМИ, о том, чтобы информация о Викторе Юбченко подавалась под нужным им, помаранчевым, углом. Речь идет о больших деньгах.

Женька взяла паузу и чиркнула спичкой, закурила. Едкий табачный дым от сигареты стал невольным свидетелем разговора. Он корчил веселые рожицы в пространстве тесной курилки, пытаясь настроить дам на веселый лад. Вместо того, чтобы обсуждать модные шмотки, знакомых мужиков, молодые тетки говорили о политике. Фу, какая гадость, эта ваша политика. Дым обиделся и стал густо фигурировать в пространстве примитивной, тонкой струйкой, его акцию протеста никто из дам не заметил, ведь это всего лишь табачный, едкий дым.

– Ты хочешь сказать, – анализировала Наташка Благова, – что Богдану Степановичу Сююткину предложили крупную сумму денег, чтоб он работал против Япановича? Да бред это, а как же Артур Лысый? Если он, владелец телеканала, представитель «Партии Губерний», узнает, да он из нашего дорогого Богдашки фарш сделает!

– Благова, Благова пиарщица из тебя, как из меня мать благородного семейства. Включись в процесс. Сююткину предлагают деньги, чтобы телеканал Юбченко ругал, но не очень, Япановича хвалил, но тоже не очень. Чтоб скандальный сюжет он смог снять с эфира в нужный момент.

– Как? Ну, в смысле пленку зажевало и восстановлению материал не подлежит? – догадалась Наташка Благова.

– Умница, – похвалила подругу Женька Комисар. Со Стервой наш директор обязательно поделится валютой, без нее он никуда, ее он и под удар подставит, если запахнет паленым. Нам нужно этого не допустить, она наша подруга.

– Хоть и страшная Стерва! – подхватила инициативу Наташка Благова.

– О том, что процесс пошел, догадаться несложно. Танька перестанет публично ругать Сююткина. Что она сегодня о нем говорила? – поинтересовалась Женька Комисар.

– Оно пришло, Оно сказала, – имитируя голос Стервы, произнесла Наташка.

– Посмотрим, как будут развиваться события завтра. Как только начнет его уважительно называть по имени и отчеству, жди беды.

Две подруги долго курили в коридоре родной телекомпании «Полет», они стояли бы так до самого утра. Им есть о чем и о ком поговорить, если бы не главный виновник сегодняшнего вечера, разогнавший лучших подруг по разные стороны голубого экрана – прямой эфир. Женька Комисар пошла работать в кадр, Наташка Благова поспешила домой, чтобы посмотреть на подругу с экрана старенького телевизора.

Серый кардинал информационного пространства

Пунктуальность Александра Куликова его самого раздражала. С этой чертой характера, он родился.

Куликов и сегодня точно рассчитал, сколько времени ему понадобится, чтобы заехать в магазин за водкой, хлебом и колбасой, а затем домой. Суетился Александр Куликов ради того, чтобы в 21 час 05 минут секунда в секунду спокойно нажать кнопку вкл. на плазменном новеньком телевизоре.

Ток-шоу «Родной город» начиналось ровно в девять часов вечера. Но после вступительного слова ведущей этого политического телевизионного спектакля шла реклама. В течение пяти минут смотреть на подгузники, банки с соком и женские прокладки с крылышками и без Александр Куликов себя заставить не мог. Сколько раз он пытался убедить Сюсюткина не делать из провинциального политического шоу – телемагазин!

А он? Сюсюткин!!!

Зритель города Задорожья смотрит центральные каналы Интер-кайф, БезТБ, МММ, он же не слепой, сравнивает. Передача началась, а зрителю сразу напоминают о житейских неприятностях, что у него протекает, где болит и сильно чешется.

Куда Сюсюткин смотрит! И смотрит ли директор телеканала эфир, по этому поводу у Александра Куликова большие сомнения. Декорации бледненькие, бедненькие, свет в студии плохой, сюжеты смонтированы на скорую руку, участники ток-шоу перепуганы, в пол смотрят.

– Давай Женюра, выручай, – Александр Куликов позволял называть так подчиненную только когда оставался сам на сам. Он жил один.

Последняя четвертая официальная жена, собрав меха, золото и то, что смогла увезти на новеньком джипе, который месяц назад подарил ей Куликов, навсегда умчалась в объятия нового спонсора ее дорогой во всех отношениях жизни. Александру Александровичу не везло в любви, в бизнесе зато все ладилось. Собственная типография, пару городских газет, с десяток торговых точек, последнему бизнес-детищу, Пиар Центру, он особенно радовался. Политика – вот, где зарыт настоящий клад, особенно с началом президентской компании 2004 года и парламентских выборов 2006-го. Если учесть, что в настоящее время в Задорожье кроме его типографии работают еще два полиграфических комплекса и существуют не только его газеты, то хочешь – не хочешь, придется работать локтями. Главное в информационном бизнесе – получить заказ от клиента. Заказчик нынче пошел капризный, ему качество подавай по заниженной цене, любит клиент носом крутить и выбирать. А выбора Александр Куликов ему не даст, он первый организовал в родном городе Задорожье единственный профессиональный центр по оказанию услуг в сфере политических технологий.

К кому придут богатые клиенты в час пик предвыборной кампании? К нему, они знают его лично, да и насчет конфиденциальности Александр Куликов – надежный парень. Основные заказы пойдут через его центр, а значит, именно он будет печатать, размещать, а также реализовывать печатную продукцию.

С телеканалами и радио придется работать на откатах. Ах да Куликов, ах да Сашкин сын! Сан Саныч очень внимательно следил за перипетиями ток-шоу, даже если мысленно отвлекался от эфирных страстей, которые согласно сценарию возникали в ток-шоу, которое он сам создал. Женька не подозревает, сколько стоит пребывание одного политического жлоба в прямом эфире ее программы. Это хорошо, пусть девочка трудится, зарплата у нее высокая, а на большее, милая, рассчитывать нечего.

Что согревало душу прирожденного бизнесмена в сфере информационных технологий? Это расценки для участников шоу. В первом туре голосования Александр Куликов их предусмотрительно установил приемлемыми. Во втором Сан Саныч намеревался поднять ставки за

участие в прямом эфире вдвое или втрое! Но главные его жизненные ценности, деньги, шли не через кассу телекомпании. Черный нал попадал прямо в руки Сан Саныча, правда, приходилось делиться с Сюсюткиным, который до денег особенно равнодушен. Отстегивать, согласно рекламным расценкам, и телеканалу. Но большая часть денег оседала в карманах идеолога телевизионного политического спектакля под названием «Родной город». Александр Куликов любил зеленые бумажки больше, чем водку и женщин, ему нравился процесс их получения. Сначала возникала идея, потом в его голове выстраивалась схема ее реализации, находились люди, способные воплотить бизнес-проект, а дальше – успевай тратить.

Как правило, это с успехом умели делать его смазливые женушки.

«Слава Богу, остался один, совсем один», – подумал Александр Куликов и обрадовался. Его душа имела по этому поводу противоположное мнение. Но кто ее спрашивал?

Время других ценностей, бал правят деньги, они имеют безусловную власть и силу. А душа, пусть поноет, как маленькая капризная девочка, которую взрослый самостоятельный мужик демонстративно не замечает.

Главное – деньги. Большие деньги прячутся от Александра Куликова там, где большие политики дерутся за место под солнцем.

Александр Куликов смотрел с интересом местное ток-шоу «Родной город», однако масштаб рожденных в его голове мыслеформ охватывал всю территорию страны Закарпатья.

Сентябрь на исходе. Через месяц 31 октября состоится первый тур президентских выборов. Второго тура голосования Закарпатья не миновать. Борьба разгорится между «бело-голубыми» Партии Губерний и оранжевой оппозицией – партией «Наша Закарпатья». Два Виктора, два титана станут друг против друга, известно и место их встречи – столица Киевск, майдан.

Кто победит во втором туре Александру Куликову ясно. Если сработает административный ресурс, победу поздравит Виктор Япанович, если оранжевые с успехом используют продвинутую на Западе «психодинамическую» стратегию управления массовым сознанием, значит, на инаугурации закарпатцы увидят Виктора Юбченко.

На мгновение Александр Куликов представил себе, как Виктор Андреевич стоит на площади в окружении всех членов семьи.

Счастливые дети в оранжевых шарфиках непременно растрогают своей непосредственностью души рядовых закарпатцев, чертовски эффектно! Как прирожденный пиарщик он мысленно дорисовал картинку, вспыхнувшую в его разыгравшемся воображении – голубей, белых голубей запускают в небо. Это надолго запомнится телезрителям и гостям иностранных государств, которые станут участниками исторической инаугурации. Александр Куликов мог фантазировать до бесконечности, но у него зачесалась ладонь правой руки. «К деньгам», – пророчески улыбнулся Сан Саныч.

Сценарий передачи, которая принесет неплохие чаевые, предельно прост. Представителей местных штабов, которые работали на своего кандидата в президенты за деньги, подавали доверчивому зрителю в прямом эфире как их горячих и искренних сторонников. Но главная телевизионная фишка Александра Куликова заключалась в том, что участникам ток-шоу предлагалось обсудить сюжеты, касающиеся проблем закарпатской губернии: экология, рождаемость, рост цен на рынках и т. д... То, что актуально для избирателя сегодня. Штабная крыса, сидевшая в телевизионном эфире от каждого кандидата, могла заклеить противника, либо убедить телезрителей, что с приходом обожаемого им кандидата в президенты, жизнь закарпатцев резко изменится к лучшему. Совершенная телевизионная ерунда, а «пипл хавает», больших денег по закарпатским меркам стоит эта ерунда, дублируемая до следующего прямого эфира по радио и в газетах.

– Родной город может спать спокойно, а Куликов его до нитки...

Эту шутку Александр Куликов любил напевать дома и в одиночестве. Это действительно шутка, обирал ежедневно родной город старый и добрый мэтр вместе со своей работающей коман-

дой. Задорожные патриоты с раннего утра и до поздней ночи трудились во благо родного города и горожан. Они совершенно бессовестно закладывали под залог известной в Задорожье финансовой структуре городскую коммунальную собственность. Через пару лет у громады города собственности практически не осталось. Городская земля шла с молотка, только без аукциона. К мэру нужный человек в кабинет заходил, а выходил из кабинета в статусе крупного землевладельца.

– Давай, Женюра, укуси кого-нибудь, вон того дядьку прыщавого, а то народ у тебя, девочка, на передаче, как я вижу, заскучал, – громко напутствовал ученицу Александр Куликов. И хотя их разделяли многие километры прямого телевизионного эфира, Комисар телепатически услышала приказ шефа. Но укусила не прыщавого гостя ток-шоу, а любимого градоначальника. Женька повернулась в сторону начавшего засыпать в студии мэра Задорожья и задала ему один единственный вопрос:

– Евгений Григорьевич, скажите, а почему вчера на пресс-конференцию, которую проводили представители оппозиционной партии «Наша Зкраина» вы одели оранжевый галстук, а сегодня пришли в «белоголубом»?

Евгений Карташкин мгновенно проснулся, старый мэр побагровел лицом так, словно в его организме благодаря бестактному вопросу ведущей произошла полная непроходимость кишечника. Он напрягся еще раз и еще. Чиновник с многолетним стажем работы должен, нет, он просто обязан найти выход из создавшегося неловкого положения.

– Галстуки всегда выбирает моя жена, она мне их одевает по утрам. Что мне дали, то я и одел, – тихо произнес Карташкин. Народ в студии засмеялся.

– Правильно, Евгений Григорьевич, галстуки необходимо менять вовремя в зависимости от ситуации, главное не увлекаться, чтобы за компанию не сменить вместе с галстуками и собственную жену.

Политический бомонд знал, что у мэра неофициально есть другая семья, молодой зазнобе мэра в прошлую субботу исполнилось 25, а самому Карташкину в этом году стукнет 67 лет. Реплика ведущей о смене жены вызвала у гостей студии гомерический смех.

– Надеюсь, вы пошутили, – дрожащим то ли от старости, то ли волнения голосом сказал Евгений Карташкин.

– Пошутила, и, судя по реакции гостей, удачно. Вы разве так, не считаете Евгений Григорьевич? – добивала его Женька.

«Угомонись Комисар», – пытался передать ей на расстоянии приказ Куликов. Он чувствовал, Женька перегибает палку, завтра те, кто заплатил деньги за присутствие мэра в телевизионном проекте, заслуженно повесят Александра Куликова на его модном и страшно дорогом галстуке. «Господи, почему она решила укусить именно мэра, вон в студии сколько штабных крыс, бери любую, не жалко. За мэра Задорожья мне голову оторвут», – сокрушался Александр Куликов.

– Я немного увлеклась, – персонально осчастливила телезрителя Куликова ведущая ток-шоу, – Режиссер подсказывает мне, у нас впереди самое интересное...

– Не зли меня Комисар, что еще за «самое интересное?» – кричал сидя перед огромным экраном телевизора, Сан Саныч.

– Реклама! – театрально произнесла Женька.

Александр Куликов одной рукой схватился за сердце, другой за мобильный телефон, нужно срочно дозвониться за время рекламной паузы до этой ненормальной, пусть оставит мэра в покое.

Во время прямого эфира Женя Комисар мобильный отключала и когда во время рекламной паузы режиссер программы ворвалась в студию с мобильным телефоном в руках, Женька догадалась, кто жаждет ее комиссарского тела.

– Да, я слушаю, – спокойным голосом сказала она.

– После эфира я скажу, что о тебе думаю, надеюсь, ты хорошо меня слышишь, Комисар!!! Ты сейчас не просто оставишь мэра в покое, ты сделаешь его героем этого эфира или пеняй на себя. Ясно?! Не дождавшись ответа, Александр Куликов, прервал связь.

Господи, хорошо, что реклама идет полторы минуты, нужно прийти в себя, отдала самой себе приказ Комисар. Я у себя одна, никто мне не поможет, все хорошо, все очень хорошо, так должно быть, вдох, еще вдох.

Ведущая ток-шоу «Родной город» почувствовала, что система самовнушения на нее не действует и она, подобно школьнице перед выпускными экзаменами перевозбуждена. Нужно подумать, как сохранить «морду лица», неужели Куликов и с мэра взял деньги, твою мать, хотя бы предупредил, намекнул хотя бы. «Спокойствие, только спокойствие, – мысленно утешала себя Комисар. – Итак, Евгений Карташкин, что хорошего за последний год вы сделали для родного города Задорожье. Дороги – мимо, строительство – увы, социальные программы для решения проблем малообеспеченных горожан – одна болтовня. Что мы имеем? А ничего, хорошо пиарится старая вешалка. Вот и лепи после этого из него героя. Старый конь борозды не портит (вот уже теплее), но глубоко и не пашет. Тьфу, не герой получается, а хронический геморрой. Осталось 20 секунд, господи помоги, я брошу курить, и начну регулярно мыть посуду!»

Женька резко запрокинула голову вверх, пытаясь рассмотреть того, к кому адресованы ее мольбы о помощи. Но увидела яркие осветительные приборы, которые, накалившись за время программы, готовы вот-вот взорваться изнутри. Господи, безропотно повторила она про себя. Высшие силы услышали Евгению Комисар, и на последней секунде рекламы она уже знала, о чем будет вещать в прямом эфире родного города Задорожья.

– Мы в эфире. Продолжаем нашу программу «Родной город». Евгений Григорьевич, как вы относитесь к рекламе?

– Что вы имеете в виду, – насторожился мэр Карташкин.

– То и имею, ваше отношение к рекламе, – не унималась Женька Комисар.

– Реклама вещь хорошая, но дорогая. Главное, знать, что, где и как рекламировать.

Гости студии с интересом посмотрели сначала на Карташкина, потом их взгляды переметнулись в сторону Комисар. На другом конце города, возникла совершенно неконтролируемая ситуация. Телезритель Александр Куликов не смог обуздать эмоции и с горя запустил мобильником в экран телевизора, но с первого раза не попал. Мобильный телефон, стукнувшись о гипсокартонную стену, пискляво взвизгнул и затих навсегда. Тихое, циничное убийство. Свидетелей нет. Убийца уйдет от наказания, он купит новый телефон и не вспомнит, как разбил сердце преданному мобильному другу, который смело мог претендовать на звание «лучший коммуникатор года».

В отличие от телефона шефа, Евгения Комисар молчать в эфире права не имела, ей не за это хорошие деньги платили.

– Вот вы совершенно правильно говорите, Евгений Григорьевич, по поводу того, что надо знать, что, где и как рекламировать. Говорят, вы в последнее время не выходите из здания Кабинета Министров Зкраины, пробивая для нашей губернии, являющейся зоной экологического бедствия, особый статус.

– Это правда, – ответил мэр, не зная радоваться ему или ждть очередной словесной ловушки от ушлой журналистки. Журналистов Карташкин не любил, как и бродячих собак.

Сегодня позвоню Грицаю, подумал про себя мэр, отдам приказ, чтоб бездомных тварей отстрелили, что-то их много в городе развелось. Бедный начальник коммунального хозяйства Грицай! Откуда знать ему, что выполняя приказ Карташкина внепланово отстрелить четвероногих бродяжек, он делал это не по причине редкой плодовитости дворняжек, а с подачи собак-журналистов. Эти говорящие твари смертельно ранили острыми словами больную циррозом печень старого мэра. На этот раз все обошлось. Продолжая выдавать в прямом эфире глупость

за ценную информацию, Комисар считала, что спасает собственную журналистскую шкуру, на самом же деле она спасала бездомных собак города Задорожье. Мэр-геморрой станет героем. Как заказывали!

– Естественно, киевские чиновники высокого ранга, – громко на всю студию вещала Женька Комисар, – симпатизируют различным политическим силам. Неудивительно, что, выбивая с трудом для города Задорожья особый статус, нашему мэру приходится приспособляться. Согласитесь, его рекламный трюк с изменением цвета галстуков – ерунда, в сравнении с теми миллионами, которые получит Задорожье, для решения насущных городских проблем.

– Это вы правильно подметили, обрадовался мэр. Меня знают в Кабмине, я, если хотите, ходячая реклама. Говорят «Карташкин», а подразумевают «Задорожье» и наоборот. Ради родного города я готов на все. Скоро в город Задорожье приедет Виктор Федорович Япанович, надеюсь, с его помощью строительство задорожных мостов сдвинется с мертвой точки. Он сильный премьер-министр, прагматичный хозяйственник.

Таким людям, как Я-я-панович мы сегодня доверяем страну, нашу любимую, родную Закараину.

Да, подумала Женька, если такие гениальные представители власти, как Евгений Григорьевич Карташкин, агитируют за кандидатуру Япановича, главного кресла страны Виктору Федоровичу не видать. Агент влияния из Карташкина, как из меня британская королева.

– Мы обязательно построим задорожные мосты, которые надежно соединят два берега Днепра, они объединят нашу задорожную громаду, наш город. И я, как городской голова Задорожья со всей ответственностью заявляю: мостам в нашем промышленном городе – быть!

Вдруг Евгению Григорьевичу Карташкину показалось, что у него на спине начали расти крылья, мощные, фантастически больших, необъятных размеров. Интересно, запорожцы заметили, что он – не какой-нибудь губернский воробей или голубь. Он, Евгений Григорьевич Карташкин, настоящий орел. Летит высоко, видит далеко, попробуй, плюнь в него, если ты профессиональный словесный снайпер – все равно не попадешь. В орла не попадешь! Не тот уровень, не та форма, чтобы в прямом эфире словесные дуэли главному Григорьевичу Задорожья устраивать.

«Семь минут нужно выдержать, только семь минут», – твердила как заклинание ведущая ток-шоу Евгения Комисар. Она смогла собраться, она нашла нужные слова, пусть дорогой Александр Куликов спит спокойно.

Первым после окончания эфира Александру Куликову позвонил банкир, финансировавший раскрутку мэра в задорожных СМИ. Позвонил по городскому телефону.

– Мобильник не берешь, скрываешься?

– Да, нет, телефон умер, – соврал Куликов.

– Сан Саныч, ну вы, блин, даете! Как лихо сценарий закурили! Сначала человека по самое не хочу опустили. А потом из него героя слепили. Бедный Карташкин в эфире чуть не помер.

– Политтехнология батенька, политтехнология, – заискивающе объяснил Александр Куликов.

– А я уж хотел киллера на тебя натравить, – по солдафонски рассмеялся денежный мешок.

– Зачем же киллера, мы дело туго знаем, – не успел Саныч как следует произвести впечатление на гостя и завершить лихо продуманную фразу, как банкир голосом, напоминающим звон дорогих монет, резко поставил точку в разговоре.

– Завтра пришли человечка, я счет подпишу...

От волнения и назойливо доносившихся с улицы рулад автосигнализации, которая заглушала все звуки в радиусе 100 метров, Куликов резко встал и метнулся к окну. Как следствие

непродуманных действий, оборвался не просто кабель городского телефона, оборвался разговор с самым богатым человеком в задорожной губернии.

Плохо, просто отвратительно!!! И все из-за соседского кота, который любит погулять по капоту новенького автомобиля.

– Сволочи, сегодня все просто сволочи, извести меня хотят, – закричал из окна дома потерявший контроль над собой главный пиарщик, серый кардинал города Задорожья Александр Куликов. Он напоминал злого, голодного и до чертиков уставшего мужика. Мужика, которого из-за пустяка могли просто убить.

– Гады, сволочи и ты тварь поганая!!! – истерически верещал, глядя на жирного кота, Александр Куликов.

Соседский кот, облюбовавший капот дорогого автомобиля поднял голову, посмотрел на орущего в окне мужика. Что громче кричит, автосигнализация или Куликов кот не понял. Угрозы в его адрес, по мнению благородного животного, необоснованы. Четвероногий террорист решил не рисковать, он встал с нагретого места и медленно поплелся к себе в соседний коттедж, не догадываясь, что сегодня его могла постигнуть участь того самого мобильного телефона, чей громкий голос больше никогда не прозвучит в доме Александра Куликова.

В студии погас свет. Конец телевизионной комедии. Евгения Комисар непрерывно звонит шефу, тщетно. Мобильный и городской телефоны хранят упорное молчание. «Завтра Саньч порежет на кусочки мое юное комиссарское тело», – а что еще она могла подумать, если с самим Куликовым нет связи?

Право на ошибку

Вик хотел есть, гулять и спать. За окном господствовали сумерки, лишенный радостей собачьей жизни пес жалобно скулил. Хозяин упорно не вспоминал о любимом четвероногом друге, сегодня таковым он его не считал. Что с художника возьмешь, одни мнимые таланты, вместо заботы и любви к домочадцам. Эту мысль пес интерпретировал в голове, как умел, но от перестановки слов смысл не менялся. Кормить не будут, гулять тоже, в это верить стаффу не хотелось, но факты вещь упрямая. Зря он не съел бутерброды, которые валялись на полу, через полчаса после покушения на тело натурщицы хозяин их демонстративно выбросил в мусорное ведро, находящееся сейчас в зоне абсолютной недосягаемости. Вик ругал себя за нерасторопность, и брезгливость. Подумаешь, таракан на сыре умер, дай кусок сыра сейчас, я его с тараканом съем – не побрезгую. Увы, что упало в мусорное ведро, то пропало. В желудке пусто, как в темном коридоре, неужели хозяйка о нем не вспомнит, сокрушался Вик.

Господи, щелчок, еще один щелчок – это она. Вик от радости завыл.

Женька Комисар, открывая ключом железную дверь собственной квартиры, мысленно представила, как она прямо с порога сбросит с себя верхнюю одежду, поужинает, примет горячую ванну, ляжет спать.

Утро вечера если не мудренее, то светлее, утешала себя телевизионная звезда. Однако до светлого утра ей предстояло дожиться.

– Вик, Викуша ты меня ждал. Красавчик, ты у меня такой красавчик!

Маму ждал? Тебя не гуляли, бедный мой песик?

Вик ничего не слышал, он прыгнул на входную дверь квартиры, та безропотно открылась. Дальше ступени, пес увидел девять этажей сплошных ступеней, лестничные проемы и опять ступени. Парадная дверь. Знакомый куст. Не забыть поднять ногу. Вот так! Вот, вот оно, счастье, льется теплой сильной струей, пусть только кто-нибудь попытается остановить поток радости – укушу, твердо решил пес. Никто и не пытался помешать Вику. Его хозяйка, неторопливо спустилась на лифте и, прислонившись к косяку парадной двери подъезда, терпеливо ждала, когда пес завершит уличный ритуал.

Во дворе резко потемнело. Аварийное отключение света по улице Пионерской – явление обыденное. В любимой, загадочной Закраине полным ходом идет предвыборная кампания, не до граждан сейчас, не до граждан, это значит – свет восстановят в лучшем случае утром, подумала Женька Комисар.

На девятый этаж они шли пешком, Вик и его верная хозяйка. На пятом этаже телевизионная звезда выбилась из сил, она села на холодные, грязные ступеньки, решила закурить, коробка спичек оказалась влажной. Женька не стала ругать любимого пса, хотя знала – это дело его слюнявой морды.

Она бросила испорченную коробку вниз. Спичечный коробок, совершая последний в своей жизни межэтажный полет, точно так же, как и мэр Задорожья в эфире, успел почувствовать себя самой важной в городе птицей. Уникальный полет бескрылого коробка длился до тех пор, пока он не упал плашмя на грязную, выщербленную ступеньку первого этажа. Умер. Огня не будет.

Женька расплакалась, она плакала, тихо закрыв ладонями лицо. У нее нет сил идти дальше, нет сил говорить с мужем, который, судя по присутствию грязной обуви в коридоре, дома. Нет сил думать, чувствовать, дышать.

– Господи, я устала, я ощущаю себя, как загнанное животное, – хриплым от слез голосом сказала она Вику. Пес понимающе завилял хвостом.

– Я не чувствую рук и ног, я не чувствую себя, своего тела, души. Ты мне веришь?

Пес верил, он лизал любимой Женьке руки и глаза, плечи и острые коленки. Он готов зализать ее всю так нежно, как умел, только бы она пришла в себя и не плакала. Время шло, а собачьи нежности не действовали. Темнота не пугала, наоборот, железная леди могла позволить себе заплакать здесь и сейчас. Два года назад после очередной неудачной попытки стать матерью Женька дала себе слово больше никогда не плакать. Тогда ей показалось, что слез больше не осталось, они до последней капли выплаканы. Слезные протоки снова воспалились и по ним самотеком бегут соленые, горькие ручейки несбывшихся женских надежд. Все в жизни Женьки запланировано – работа, работа и еще раз работа. На самом деле ей хочется родить маленькую, толстенькую девочку кормить ее молочной кашей по утрам, гулять с ней по улицам родного города Задорожья, петь у ее кровати колыбельную, быть просто мамой. Мама, неужели Женьку Комисар никто и никогда так и не назовет мамочкой, мамулькой. Неужели ей не суждено прижаться к своему телу пухленькое тельце самого дорогого и желанного на всем белом свете существа? Где ты, малыш, почему не приходишь в мою жизнь, я готова пожертвовать всем, всем, всем ради тебя. Женька любила разговаривать с неродившимся малышом. Об этом она никогда никому не рассказывала, тем более мужу. Стать пациенткой психиатрической клиники на Седова ей не хотелось. Комисар с детства предвидела события, общалась с умершими родственниками, чувствовала настроение окружающих, разговаривала с домашними животными. Стоп, о потусторонних мирах ни слова, не время и не место, необходимо возвращаться домой, убеждала себя Женька.

Вдалеке замаячил огонек. Господи, что за маньяк бродит ночью по подъезду, испугалась Комисар, но только вспомнила, какая собачка находилась с ней рядом, успокоилась. «Пусть идет самый страшный, и коварный маньяк, – рассуждала про себя Женька, – Вик непременно ему яйца откусит». Неудача она дать волю женскому воображению, вытереть слезы с лица, как пожалела о сказанном, перед ней в семейных трусах и свитере возник образ супруга, его мужскому достоинству Женька зла не желала, точно. На лестничной клетке стало светло, Сашка Громов забинтованной рукой уверенно держал огрызок свечи. Свечи Вик грыз с детства. Повзрослев, он не избавился от пагубной привычки. Удивительно, что этот обрубок воска в руках Александра уцелел.

– Ты что, дорогу домой забыла?

– Грубишь, Громов? – вопросом на вопрос ответила Женька мужу.

– Вставай, пошли домой, горе мое, смотрел сегодня твою программу, скажу откровенно – дерьмо, – он протянул ей руку. – Вот скажи мне, Комисар, ты себя уважаешь?

– Второй оригинальный вопрос за одну минуту, не много ли? – поинтересовалась Женька у мужа, который, освещая огарком свечи дорогу, вел ее под руку домой, на последний, родной, девятый этаж.

– Не уважаешь ты, мать, ни себя, ни зрителей. То Карташкин у тебя – герой, то...

– Геморрой, – помогла закончить фразу спутнику жизни Женька. Начавшийся разговор ей крайне неприятен, поэтому она решила кардинально сменить тему для обсуждения и поинтересовалась у мужа, почему рука перебинтована.

– А ты это у своей любимой собачки спроси, – саркастическим тоном посоветовал жене Александр Громов. В темноте собачку не слышно, а тем более, не видно, она покорно плелась сзади супружеской пары, понимая, сейчас придут домой и доброй покладистой собачонке косточки перемяют. Так и случилось. Они пришли, перевели дух и начали ругаться.

– Ты что, его не покормил? – нащупав в темноте пустую собачью миску, поинтересовалась Женька.

– Я вижу, ты ничего не поняла. Вик меня сегодня за руку укусил, меня хотели госпитализировать, так я отказался.

– Что? – не дослушав до конца мужа, выкрикнула Женька. – Не может быть! Значит, ты его спровоцировал. Как все это произошло? Саша, что ты молчишь?

«Она назвала меня по имени, значит, способна еще пожалеть мужа», – подумал Александр Громов. Привычка называть друг друга по фамилии укоренилась в их семейной жизни. Друзья перестали удивляться, мотивируя это обстоятельство исключительно незаурядностью их творческих натур.

– Ко мне пришла натурщица, в перерыве я решил сварить кофе, а зверь вырвался на свободу и пытался изнасиловать девушку. Ты представляешь, она расскажет подругам о том, что здесь сегодня произошло! И никто, слышишь, никто не придет ко мне в мастерскую, – эмоциональней обычного поведал супруг строгой Женьке главное событие пережитого им дня.

– Что на нее Вик прыгнул, я понимаю, а почему он тебя укусил? – в голосе прекрасной половины Александр Громов уловил нотки недоверия.

– Я стукнул его сковородкой по морде, – лучше бы Громов этого не говорил, а воспользовался старым проверенным способом мужчин всех времен и народов – ложью во спасение.

– Ты, в своем уме, бить бойцовую собаку? Хорошо, что все так закончилось.

– Не закончилось! – закричал на жену укушенный собственной собакой художник, – ты вырастила монстра. Викуша, Викуша. Он и тебя когда-нибудь сожрет, не побрезгует. Ты помнишь, как он прошлой зимой у нашего соседа, председателя Ленинской районной администрации, с головы пыжиковую шапку снял. Сколько неприятностей! Ты его защищала. А он на человека напал, мне руку прокусил. Твое воспитание, ты во всем виновата!

– Я! Вот, значит, как ты ко мне относишься. Я для тебя кто, Громов? Программа моя дерьмо, воспитываю собаку я неправильно, хозяйка плохая... Может, тогда скажешь, кто я?

Огарок свечи безвозвратно погас, унося в темноту слабую надежду на примерение супружеской пары. В кромешной темноте Громов и Комисар ругались злее и ожесточеннее, чем прежде. Применяя, по мнению их домашнего теперь уже не любимца, самые неласковые слова.

Вик плотно прижал купированные уши к голове, перебирая в памяти прелести натурщицы, он вдруг отчетливо осознал собачьим умишком, что беда в их дом сегодня пришла не в образе злобной четвероногой собаки, а в виде обнаженной коварной фигуры Машеньки, которая оказалась круглой душой – Люсей.

С появлением света по улице Пионерской, в два часа ночи двадцать минут горело ярким пламенем одно окно на последнем этаже девятиэтажного дома. Два человека, не считая собаки, пытались совместными усилиями выстроить на территории отдельной квартиры гармоничные семейные отношения. Не получалось. Но пытались.

Супруги разошлись по разным комнатам спать. До утра Громов и Комисар глаз не сокнули.

Вик остался лежать в коридоре. Его одолевала мелкая дрожь, он боялся пошевелиться, напомнить о себе, чтобы не вызвать очередную ударную волну семейного цунами. Непросто быть собакой, когда судьба определила тебе место строго в коридоре. А как заслужить право у высших сил материализоваться в следующей жизни по человеческому образу и подобию, Вик не знал. Он страдал, как умел по-собачьи. Пес глубоко вздохнул. Налево комната хозяйки, направо мастерская – хозяйина.

Мастерской Саша Громов называл большую комнату в их двухкомнатной квартире, куда частенько заходили творцы: поэты, художники, музыканты, чтобы поговорить о высоком искусстве и выпить за трудовые Женькины деньги хорошего коньяка. Если денег мало, интеллигенты лакали литрами пиво и закусывали его вяленными протухшими бычками. Они, как дети, мечтали о дорогой вяленой рыбе, но для этого необходимо, в их представлении, разбогатеть. В Женькином понимании – заработать. Такое несовпадение творческих взглядов на прозу жизни...

Комисар мужественно переносила домашние посиделки с неприятным рыбным запахом в квартире, другое дело натурщицы. Пиши их на природе, просила она мужа, нет, Громов тянул голых моделей домой. Они, видите ли, творили, именно тогда, когда Женька вкалывала до

седьмого пота на работе. Комисар страшно злилась, ругала мужа, но поделаться ничего не могла. У Александра Громова имелось железное алиби, он художник. Спасибо Викуше, мысленно поблагодарила пса Женька Комисар, на одну пышногрудую натурщицу в их творческом доме с сегодняшнего дня стало меньше.

Женька Комисар редко заходила в мастерскую мужа, ее перестало интересовать его творчество, приносившее время от времени жалкие гроши. Но то, что она увидела на холсте, когда в их квартире после аварийного отключения наконец появился свет, повергло ее в полный шок.

– Господи, за что? – прошептала от волнения пересохшими губами Женька. С холста прямо на нее, без тени стеснения и элементарного житейского стыда смотрела обнаженная рыжая девка. Она держала в руках оранжевый флаг, на котором большими буквами криво написано ТАК-ТАК! Глядя, на произведение, очень далекое от искусства, создавалось впечатление, что натурщица выступает в роли незащищенного хрупкого корабля попавшего в девятибалльный шторм, а надежда на спасение заключалась в оранжевом парусе.

Присмотревшись, Женька заметила, что море состоит из лиц людей, недовольных повседневной жизнью. Картина не окончена.

– Ну как? – спросил Александр Громов пытаясь помириться с женой.

– Что это за гадость?

– Эта гадость, между прочим, пятьсот долларов стоит! – с гордостью произнес Громов.

– Не может быть, – вышла за пределы гавани терпения Женька Комисар. – А я тебе предлагаю семьсот, я покупаю у тебя эту картину.

– Какие мы богатые стали. Картина не продается, – заважничал Громов, наконец-то и Женьке от него что-то нужно.

– Кто тебе заказал намалевать эту дрянь? – не унималась Женька Комисар.

– Кто, кто? Один важный перец из оппозиционного штаба. Больше ты от меня ничего не услышишь, ни явок, ни паролей. Я товарищей из штаба «Наша Закраина» не сдаю.

– Что, ах ты х-художник, мать твою, – забилась в истерике Женька.

– Мою маму попрошу не трогать, – решил поиздеваться над благоверной муженек.

– Ты, знаешь, на каких людей я работаю? – не унималась Женька Комисар, – Да меня с работы выгонят, если узнают, что ты на оранжевых рисуешь.

– Значит, у тебя работа?

– Да!

– А у меня тогда что? – перешел на фальцет художник – Я разве не работаю?!

– Да у тебя одноразовый заработок, а у меня постоянная занятость. Если меня пнут под зад коленкой, что ты завтра жрать и пить с друзьями будешь?

– Куском хлеба меня попрекаешь! – завыл, как раненый зверь, Сашка Громов.

– Попрекаю, – безапелляционно заявила Женька, – раз я кормилица семьи, значит последнее слово за мной.

Удар Громову нанесен ниже пояса, это могло означать только начало войны. Войны между женщиной и мужчиной, войну между словом и тюбиком краски, войну между «оранжевыми» и «бело-голубыми». Эта война сначала вспыхнула в отдельно взятой квартире на девятом этаже типового многоэтажного дома в городе Задорожье, а затем запылала «оранжево-синим» пламенем на территории всей страны, любимой Закраины.

Светало. Задорожцы мирно спали в теплых постелях, не подозревая, что завтра их жизнь круто изменится. И каждый из них вне зависимости от возраста и социального статуса сыграет важную роль в одноименной политической пьесе под названием «Революция чувств».

Жирная крыса

Петр Антонович Ковбасюк похож на толстую жирную крысу, которая беззаботно живет на собственном складе самого крупного в Задорожье гипермаркета в течение 43 лет. Крыса привыкла жить на широкую волосатую ножку нестандартного для мужской особи тридцать седьмого размера, она ежегодно отдыхает на дорогих европейских курортах, обновляет автомобиль, предпочитает приобретать эксклюзивную мебель для загородной норки.

Петр Антонович сердился, но ничего поделаться не мог, с годами ему просто пришлось смириться с близкими и сослуживцами, которые за глаза его бесцеремонно называют «жирной крысой». Он согласен просто на крысу, в конце концов это умное животное, но безжалостное определение «жирная» больно ранило его сердце, желудок, увеличенную печень.

Доморощенный психоаналитик, которого Ковбасюк собственноручно прикармливал каждый месяц, компетентно заверил его, что жирной крысой Петра Антоновича называют заслужено.

Первое – крыса хитрое домовитое животное, она тянет все в дом, что плохого? Больше хорошего.

Второе – жирная, значит породистая, не такая, как остальная тощая, серая масса. После подобных психоаналитических выводов дипломированного специалиста Петр Антонович мысленно успокоился, но в крысиной его душе переодически мерзкие кошки скребли.

О кошках. Их Ковбасюк на подсознательном уровне не любил, зато волочился за каждой встретившейся на его жизненном пути двуногой кошечкой в юбке.

Первую в своей жизни короткую юбку под покровом ночи ему удалось снять с одноклассницы Наташки Благовой. Петр Ковбасюк помнит мужскую, настоящую ночь, как будто это случилось вчера. Юбочка, сшитая Наташкиной бабушкой из дешевого сатина белого цвета в провокационно красный, крупный горошек. Почти двадцать лет назад, темной ночью на колхозном поле среди бесформенных скирд свежей соломы, он впервые в жизни узнал, как сладко и влажно бывает под девичьей юбкой. Именно на ней при его непосредственном участии появилось несколько красных пятен, не вписывающихся в гороховый ситцевый орнамент.

Наташке Благовой исполнилось шестнадцать лет. Последняя отработка в колхозе «Светлый путь коммунизма», первая любовь, первый восход солнца, что встречали вместе. Последствия, неприкрытая зависть со стороны одноклассников и косые взгляды классной руководительницы, хромоногой старой девы.

Год напряженной учебы, выпускные экзамены, успешное поступление в вузы. Ковбасюк без колебаний выбрал торговый, Благова училась в гуманитарном вузе. Он любил деньги, она – поэзию Петра Вегина. Он не мог не выпить, изображая заводилу студенческой компании, она знала пофамильно всех актеров Большого в Москве.

К счастью, оба молоды. Добротный секс казался важнее духовной близости, которую начинаешь ценить с годами. Через четыре года они официально узаконили отношения, родилась Оля.

Крик по ночам, нехватка денег, отсутствие собственного угла, все, как у всех.

Как дальше жить вместе, они не знали. Он экономил, она покупала книги, он рисковал, спекулируя импортными вещами, а она порхала, как бабочка на сцене самодеятельного драматического театра. Наташка вошла в драматическую роль так глубоко и надолго, что не заметила, как распалась ее собственная семья.

С родной дочерью Ковбасюк не общался, после развода он безумно злился на жену, выбирался из системных запоев, пытался найти новый смысл в холостяцкой жизни. Его спасли, как ни странно, деньги.

Петр Антонович обнаружил в себе удивительный талант их добывать и количественно приумножать сотенные. Он породнился душой с купюрами настолько, что забыл о других родственниках душах, проживающих с ним в родном городе Задорожье. Завтра, думал Ковбасюк о дочери, завтра, я ее повидать, дам денег, поведу в зоопарк. Но завтра для Ольги не наступало, отец забывал не только ежемесячно выплачивать полагающиеся ребенку алименты, но и звонить, общаться, интересоваться жизнью дочери. Наташка Благова такому обстоятельству эгоистически радовалась. Она нуждалась в деньгах, но только полученных не от Ковбасюка. Наташка знала, жирная крыса даст копейку, а взамен потребует внимания и любви к своей персоне на червонец. Петр Антонович любил не только деньги, но еще и власть. «Торгаш торгашом, – возмутилась про себя Благова, – а в депутаты лезет».

Лез, лез и пролез. Депутат городского совета, главный торгаш задорожной губернии крысиным умишком понимал – выборов по мажоритарным округам, как раньше, не будет. Система изменилась, пора вступать в какую-нибудь партию, и продвигать родимое жирное тельце по партийному списку. Тянуть больше нельзя, в 2004 году выберут президента, через два года грянут парламентские выборы. Ковбасюк мечтал попасть не в городской парламент, как раньше, а в Верховную Зраду. Деньги у него на особый случай припасены.

Процесс законотворчества Петра Антоновича не пугал, законы в Закраине – это умные слова, написанные на дорогой бумаге с гербовой печатью. И только. Закраинские законы противоречат друг другу. Одни депутаты законопроекты придумывают, другие отменяют, третьи зарабатывают политические дивиденды, публично критикуя законы. Народ? Открыл большой ненасытный рот. Закраинцы выживают, руководствуясь единственным, действующим в реалиях страны законом – «с голоду не умереть». Совет особо прожорливым гражданам – читайте закон № 666 о материальности мыслей. Представили кусок мяса, мысленно пожарили его. Чувствуете, вам стало сытно и хорошо?! Таких мудрых и полезных законов для закраинцев Петр Антонович Ковбасюк придумает тысячу, главное получить мандат народного избранника. Красивый, красный, новенький, пахнущий типографской краской, пропуск в новую сытую, депутатскую жизнь.

Ковбасюк четко и ясно представлял себя, как откроет тяжелую дубовую дверь в сессионный зал Верховной Зрады, войдет туда и неторопливо поплывет по ярко-красной шерстяной дорожке...

В этом месте почему-то видение Ковбасюка становилось нечетким. Куда ему, грешному, примкнуть? К «бело-голубым» или «оранжевым», направо пойти или налево? А тянуло прямо в объятия самой Юлии Тигрюленко. Она, как его первая любовь, короткие юбки в красный горох не носила. Юля предпочитала красоваться в белых водолазках, на которых с левой стороны провокационно зияло красное пятнышко в форме сердечка. Увидев впервые на голубом экране «женщину в белом», Петр Антонович погрузился в тяжелейший сексуальный кризис. Он мгновенно возлюбил родину в лице госпожи Тигрюленко. Но его местный аналитик, который корчил из себя политолога государственного масштаба, утверждал, что выбирать следует из двух лидирующих в Закраине партий: «Наша Закраина» или «Партия Губерний». Ни одной стоящей юбки, по мнению Ковбасюка, в этих партиях не имелось. Серьезная недоработка партийных боссов. Приходится выбирать из того, что есть. Ковбасюк тяготел к «Партии Губерний», он искренне полагал, что административный ресурс батки Леонида Кучкиста плетью не перешибешь. При этом он наблюдал, как заводится и ликует простой люд на встречах с Виктором Юбченко. Американцы силы и деньги в Закраине за спасибо не потратят, рассуждал Петр Антонович Ковбасюк. Значит, у них в Закраине есть особый, геополитический интерес.

К какой политической партии примкнуть? Аналитик Ковбасюка, по его заданию, перед началом президентских выборов тайно ездил в столицу, славный город Киевск советоваться со знающими людьми. Столичные политтехнологи заверили задорожного коллегу в том, что именно Виктор Юбченко станет президентом Закраины. Ему страшно симпатизируют избира-

тельницы в юбках, а значит, в 2006 на парламентских выборах оранжевые наберут в парламент страны наибольшее количество голосов. Ковбасюк расстроился, власть так просто в Закарпатье никто не отдаст, пойдешь, возьми ее голыми руками: «А вдруг, Виктор Япанович выиграет президентскую гонку, займет место Леонида Кучкиста, а я по глупости примкну к оранжевым оппозиционерам!»

Петр Антонович очень долго прогнозировал, на какую именно политическую силу ему сделать ставку. И тут, прочь сомнения, бессонные ночи, Ковбасюку предложили возглавить финансовый отдел городского штаба «Наша Закарпатье». Судьба сделала выбор за него. Жирная крыса надеялся, что правильный.

Ковбасюку предстоит работать на кандидата в президенты Виктора Андреевича Юбченко, а это не мелочь по карманам тырить. Отвечать за солидный денежный поток и управлять главным финансовым краном оппозиционных сил в Закарпатье. Петр Антонович в ответ на заманчивое предложение не раздумывая согласился. Приличные деньги!

Но в его крысиной душе, время от времени, скребли сомнения по поводу комфортного пребывания в политическом процессе. С каждым днем отношения между двумя штабами, оппозиционерами «оранжевыми» и нынешней властью «бело-голубыми» накалялись. Закарпатье – большой индустриальный город, но весь, как любит повторять Петр Антонович, спит под одним газовым одеялом. Здесь друг о друге все знают. Кто на какого кандидата работает, и в каком штабе служит.

Особо одаренные с утра вкалывали на Япановича, а вечером организовывали митинги в поддержку Виктора Юбченко, на всякий революционный случай. Несмотря на врожденную пронырливость, Ковбасюк такого себе не позволял. Он ежедневно выстраивал хитроумные схемы финансирования штабных мероприятий. Отчеты в столицу строчил исправно. Раз в две недели оттуда приезжали кураторы проверять бухгалтерию Ковбасюка, как говорится, на месте преступления.

Чудной народ, ухмылялся Петр Антонович, проверяй – не проверяй, а у меня в отчетах идеальная арифметика. Да и как не сойтись, деньги любят счет и талантливого счетовода. Таковым жирная крыса себя считала без зазрения совести, да и была ли у нее совесть в наличии при рождении на свет божий – неизвестно. В перечне основных рудиментов человека совесть, по мнению финансиста, значилась под номером один.

Мобильный телефон на рабочем столе Петра Антоновича звонил непрерывно. Ковбасюк на это обстоятельство реагировал своеобразно, он истекал потом, худел и нервничал. Звонят и звонят, терпение лопнуло. Жирная крыса решила убрать функцию звонка из настроек серебристого гада. Телефон, вибрируя и извиваясь, хаотически двигался по плоскости рабочего стола. Однако полностью исключить связь с внешним миром Ковбасюк себе позволить, до конца предвыборной кампании, не мог. Петр Антонович периодически поглядывал на светящийся экран телефона, который безошибочно сигнализировал, кто же в данную минуту вождь дел услышать милейший голос Петра Антоновича. Штабных клерков финансист игнорировал, звонят по пустякам: заказывали 20 флагов, а им привезли 15, нет бензина, денег на канцелярские товары, и так до бесконечности. Телефоны киевских кураторов, начальника штаба и его заместителей Петр Антонович знал наизусть. К счастью, сегодня они на связь не выходили, вот и ладушки.

«А это кто?» – на минуту задумался Ковбасюк. Знакомый номер телефона заставил финансового гуру воспользоваться сотовой связью.

– Так, весь во внимании, – выдал из себя финансист.

– Петя, я твоё задание выполнила. Ты просил меня пожертвовать девичьей честью, и только. Ради тебя я согласилась на эту авантюру, но собственной жизнью рисковать не намерена, – трагически замыкал знакомый Петру Антоновичу женский голос.

– Люся, что ты несешь? Громов не похож на маньяка-убийцу или ты не у него была?

– У него. Громов оказался лапочкой, но его собака, она меня всю искусала, – соврала для пользы дела Люся.

– Ты в больнице? – забеспокоился Ковбасюк.

– Я же на задании была, какая больница? Лежу дома, вся окровавленная, в бинтах, – рыдала в трубку натурщица.

– Чем я могу тебе помочь?

– Ничем, – ответила Люся работодателю и любовнику в одном крысином лице. – Сколько ты мне, дорогой, сможешь спонсировать денежных знаков, чтобы я залечила свои раны и восстановила психическое здоровье?

– Какая у Громова собака? – поинтересовался Ковбасюк.

– Бойцовая, стафф, – это была правда.

Петр Антонович решил, что придется-таки расщедриться за казенный счет. Он поспешил успокоить даму, которая на протяжении последних пяти месяцев профессионально улаживала его жирное тело. И не только. Ковбасюк придумал Люсе новое применение, он лепил из девушки современный образ задорожной Мата Хари. К бурной деятельности натурщицы и куртизанки прибавились шпионские навыки.

– Люся, сколько скажешь, столько и получишь, я надеюсь, эта собака не сильно попортила шкурку моей дорогой киски.

– Нет, прикусила в двух местах, могло все закончиться просто трагически, – бессовестно врала пострадавшая, на теле которой не осталось и царапины.

– Не плачь, моя кошечка, приеду к тебе вечером, после восьми, а сейчас извини, у меня через полчаса важная встреча. Целую, радость моя.

Люся не ответила. Она сполна получила, что хотела. Меньше слов, больше денег. Оказывается, шпионская деятельность приносит неплохие чаевые.

В сторону лирику, Ковбасюк открыл тяжелый железный казенный сейф, достал из него солидную пачку отечественных купюр, пересчитал их. Часть денег отправил обратно в сейф, а часть спрятал в кожаной папке.

– Господи, где они это доисторическое животное откапали? – возмутился Ковбасюк, ничего его так не выводило из себя, как эти шкафы для хранения денег, советского образца.

– Оппозиционеры, мать вашу, денег куры не клюют, свои так не хранили, – искренне возмутился вслух Ковбасюк.

Если бы сейф мог разговаривать на закраинском языке, он бы поведал легендарному финансисту Петру Антоновичу о крепкой броне, о том, что служил верой и правдой самому Хайкину, первому секретарю коммунистической партии Задорожного края еще в 70 годах. Что, за его ратную трудовую биографию, сейф ни разу не ограбили. А потому пусть Ковбасюк со своей критикой катится колбаской. И не по малой Спасской улице, а по большому и самому длинному в Европе проспекту имени Ленина, расположенному в центре Задорожья.

В силу душевной черствости Петр Антонович монолога «доисторического животного» не услышал, да и не до обидчивых сейфов советского образца ему сейчас. Петр Антонович Ковбасюк схватил папку с деньгами и вышел из кабинета. За дверью его поджидали двое. Теперь они уже втроем, как в детективной киноленте, снятой на деньги скупого спонсора, пошли по длинному коридору нога в ногу.

Петр Ковбасюк демонстративно прикрыл вздернутый кверху крысиный носик сложным вчетверо, накрохмаленным носовым платком.

Попутчики Ковбасюка последовали его примеру, но специфический запах бесцеремонно пропитывал одежду штабистов до интимного, нижнего белья.

– Сегодня у нас кто? – поинтересовался высокий парень у Петра Антоновича Ковбасюка. Тот в ответ пожал плечами, мол, не знаю.

– А ты как думаешь? – стал приставать высокий к идущему от Ковбасюка по правую руку лысому дядьке. Дядька убрал от прыщавого лица носовой платок, деловито поправил галстук и, не сбиваясь с ритма идущих в ногу коллег, неприятно зашепелявил:

– Что тут думать, на афише нарисованы слоны. Сегодня в город Задорожье приехал московский цирк.

– Неужели слоны так воняют? – усомнился высокий штабист.

– Смотрите, – неприлично ткнул указательным пальцем лысый в сторону цирковой арены, которая казалась в широком проеме длинного коридора трем работникам штаба «Наша Закраина» островом развлечений. На арене с десятков серых откормленных козлов танцевали вальс. Они сбивались с ритма, отчего дрессировщик настойчиво бил кнутом по центру круга и заставлял упрямых животных четче вальсировать копытами. Работники штаба «Наша Закраина» с интересом наблюдали за работой дрессировщика. Москвичи привезли дородных козлов, и одну белую пушистую козочку, лихо выплясывающую на арене Задорожного цирка.

– Юля, – кричал ей российский дрессировщик – давай, заведи этих козлов, давай, Юля.

Юля!!! Они не ослышались? Работники штаба не поверили своим глазам, здесь на территории цирка, где штаб «Наша Закраина» арендовал часть просторных помещений, россияне готовили крупномасштабную провокацию. До кабинета начальника штаба три штабных крысы уже не шли, а бежали. Необходимо предотвратить провокацию.

Начальник городского штаба «Наша Закраина» Олег Рогов не стеснялся при подчиненных хвалить свои, унаследованные от отца чекиста, уникальные деловые качества. Конспирация и еще раз конспирация, любил повторять он штабистам тоном вождя мирового пролетариата.

Секретный штаб оранжевых функционировал параллельно с официально зарегистрированным городским штабом. Он внедрял в жизнь рядовых обывателей города Задорожья черные политические технологии, поэтому территорию цирка Рогов выбрал не случайно. Кто они такие на самом деле, знал только директор цирка, остальные работники свято верили, что люди в серых костюмах, снующие по коридорам их развлекательного заведения, заурядные предприниматели, скупающие акции местных предприятий. Информация трех сотрудников о провокации, которую им готовит российская сторона, повергла Олега Рогова в шок. Как настоящий профессионал, он нашел в себе силы успокоиться, и только затем позвонил директору цирка.

– Нужно немедленно встретиться с российским дрессировщиком козлов. Вы можете организовать нам встречу? – без привычного приветствия уверенным тоном любимого киногероя Штирлица, обратился Олег Рогов за помощью к директору цирка.

– Я на встрече нужен? – в недоумении спросил тот.

– Несомненно, – последовал ответ.

Через десять минут директор цирка, московский дрессировщик козлов, Олег Рогов и Петр Ковбасюк со штабными коллегами схлестнулись в неравной схватке за правду матку. Применяя в разговорной речи радикально ненормативную лексику.

– Вы хотите сказать, что коза – просто часть аттракциона, а я утверждаю – это политическая провокация!!! Вы хотите, чтобы Юлию Тигрюленко избиратели Задорожья ассоциировали с заурядной козой? – кричал в кабинете директора цирка оппозиционер Олег Рогов, обращаясь к московскому дрессировщику.

– Товарищи, товарищи ну нельзя же так все воспринимать буквально. Козе Юле семь лет, вы что, считаете, будто я семь лет назад специально ее так назвал, чтобы привести Юльку на арену вашего цирка в разгар избирательной кампании? Да бред это! Ерунда, совершеннейшая ерунда, – пытался убедить людей в строгих костюмах дрессировщик.

– Ерунда?! – не выдержал Петр Ковбасюк. – Ваши российские козлы иллюстрируют всю нашу оранжевую команду!!!

– Козлы, они и в России и в Закарпатье козлы. Это просто животные, пошли на арену, – скомандовал дрессировщик – Сейчас вы мне продемонстрируете, кто на кого у вас похож, так сказать, в лицах и в мордах.

На арене цирка скандал разгорелся с новой силой. Ковбасюк схватил молодого симпатичного козлика за ошейник, приподнял его и, демонстрируя животное собравшимся, возмущенным тоном спросил:

– Ну, на кого, он похож? На кого? А я вижу на кого!

Козлик запрокинул смазливую мордочку назад, пытаясь вырваться из цепких рук главного оппозиционного финансиста, но когда понял, что все напрасно, дружески вытянул чистые помидорные копытца вперед. Мол, любезные друзья, я здесь проездом, не виноватый я.

– Олег, посмотри внимательно на козу. Вы косу ей цеплять во время представления случайно не собираетесь? – издевательски поинтересовался у дрессировщика Петр Антонович Ковбасюк. Услышав подобный вопрос, коза Юля одобрительно заблеяла, она любила, когда во время выступления на арене, ей приходилось надевать новые аксессуары.

– Значит так, или вы убираете козу и еще вот этого с рогами, – указал на молодого козлика Олег Рогов – Или мы заблокируем вход в цирк и сорвем цирковое представление.

Директор Задорожного цирка отвел за кулисы российского дрессировщика и долго с ним до хрипоты спорил. Дрессировщик оказался упрямым, как и его рогатые питомцы. Через двадцать минут российский дрессировщик распахнул красный занавес кулис и артистично выкрикнул на всю арену:

– Вам хуже будет, в конце концов, пострадают ваши горожане. Черт с вами, Юля, а по вашему Тигрюля, на арену не выйдет.

Штабисты перевели дух, затем долго и горячо жали влажную ладонь директора цирка и благодарили его за экстренную помощь. Дрессировщик безвольно пожал плечами, а на его интеллигентном лице без труда читалось – да пошли вы, козлы, куда подальше. Они, собственно, так и сделали, пошли подальше от места закарпатско-российского конфликта и уединились в кабинете у непосредственного начальника товарища Олега Рогова.

– Не забудьте записать в отчетах и отправить в центральный штаб в Киевск, что мы сегодня героически предотвратили совместную провокацию россиян и орудующей в стране «Партии Губерний», – напутствовал Олег Рогов подчиненных. Штабисты понимающе закивали шефу в ответ головами, мол, само собой разумеется.

– Теперь, к делу, – продолжил Рогов. – Сегодня вы встречаетесь с главными редакторами местных СМИ, у каждого из вас свой перечень изданий. Деньги передавайте осторожно, помните о конспирации. Враги не дремлют. Сегодняшний инцидент – прямое тому подтверждение. На этих пророческих словах шефа, Петр Антонович Ковбасюк достал из кожанной папки солидную пачку денег скрепленных тонкой красной резинкой. Деловито пересчитал их, затем разделил деньги между присутствующими: высоким, лысым, и себя любимого не обделил.

Запах сигарет с ментолом

Каждые полгода Стерва бросала курить. Но через месяц она снова становилась зависимым от никотина редактором. Ее подчиненных возвращение Татьяны Васильевны к пагубной привычке выпускать кольцами дым затрагивало непосредственным образом. Круг их служебных обязанностей автоматически расширялся: совместное пребывание в курилке, коллективный переход на ментоловые сигареты, обязательная покупка спичечных коробок, зажигалки шефиня категорически не воспринимала. И самое главное правило для журналистов – всегда иметь при себе запасную сигарету для мадам Стервозовой, а то рассердится и загрызет.

Ментол стажеры переносили плохо, впрочем, как и маститые журналисты редакции информации. Однако, правила есть правила. Против шефа не пойдешь, вот и сейчас, стоя навтыжку в курилке, они давились специфическим привкусом табака и внимательно слушали очередной спич шеф-редактора о том, что бандитам – тюрьмы, а на их место к власти в Закраине должны прийти политики с чистыми руками. Ромка Безухов посмел прервать монолог Стервозовой и без тени улыбки на добродушном лице добавил, что у политиков должны быть не только чистые руки, но и уши, голова, ноги. И вообще, резюмировал он, работая в Верховной Зраде, депутатам, необходимо чаще на ночь подмываться. А то, в последнее время, под главным куполом страны в закрытом от общества пространстве стали гнездиться и с космической скоростью размножаться опасные вирусы лжи и предательства.

Народ в курилке переглянулся. О чем это он? Неужели от ментола у мальчика кругом пошла голова? На удивление Татьяна Стервозова шутку восприняла подобающе.

– Вот, – сказала она, – ради талантливых молодых людей, таких, как наш Ромка и нужно голосовать за оппозиционные силы.

Чтобы Стерва хвалила! Журналисты терялись в догадках, и только Лара Лисичкина, у которой, стопроцентный нюх на служебные романы, догадалась, почему при виде Ромки у редактора в юбке громко стучит сердце и, как при вирусной ангине, нездорово блестят глаза.

Жора Волкодав, единственный, кто мог себе позволить не посещать курилку. Жорка появился здесь в самый неподходящий момент, когда Стерва и Ромка Безухов пристально смотрели друг на друга. Он прервал бесцеремонную стрельбу глазами и сообщил Стервозовой о том, что ее срочно разыскивает Богдан Степанович Сююткин. Татьяна Васильева от экстренного сообщения в восторг не пришла. Встретаться с директором телекомпании она не вожелела, а потому медленно продолжала курить и наслаждаться ментоловым привкусом табака. Через минуту прибежала секретарша:

– Татьяна Васильевна, шеф срочно требует вас.

Татьяна Васильевна Стервозова держала паузу. Она понимала, с каждой минутой в глазах сослуживцев, как на дрожжах, растет ее авторитет. Стерва на полусогнутых к директору телекомпании не бегаёт. Она не бегаёт, не прыгает и не пляшет по чужой указке. Она сама по себе и пусть мир вращается вокруг нее, так всегда было, есть и будет.

– Таня, – настаивала секретарша, – Сююткин меня убьет, если ты через минуту не появишься в его кабинете.

– Убьет, это хорошо, – продолжал веселиться Ромка Безухов, – пирожков поедим, а то кушать хочется, страсть как.

– Ромка, прекрати, сейчас не до твоих глупых шуток, – злилась секретарша, – Там Наташку Благову с оператором избил, дело политическое!

– Что?! – удивилась Стервозова, – А ну, рассказывай!

– Таня, я и так проговорилась. Иди немедленно к Сююткину, он рвет и мечет. У него там Благова вместе с оператором в кабинете сидят, – не унималась секретарша.

– Чувствую запах очередного скандала. Так я и знала, я так не хотела Благову в Махнополь посылать, – без тени сострадания к пострадавшим коллегам констатировала Стерва.

Богдан Степанович Сюсюткин действительно метался по зеленой шерстяной дорожке, безвкусно украшавшей его кабинет в стиле 60-х годов. В ярко-желтом модном костюме он не вписывался в специфический дизайн коммунистического прошлого. Открывая дверь директорского кабинета, Татьяна Васильевна Стервозова недовольное выражение лица в коридоре оставить не пожелала. Наоборот, она придала редакторскому взгляду максимально стервозную пронизательность, отчего Наташку Благову, которая по неосторожности встретилась со Стервой глазами, словно током ударило.

Началось.

– Я не знаю, что делать. Татьяна Васильевна, мне интересно ваше мнение, – истерически визжал Сюсюткин. Присутствующие знали, собственного мнения Богдан Степанович не имел, поэтому его всегда интересовало чужое.

– Мне бы хотелось знать, что произошло? – грудным голосом выдавила из себя редактор выпуска новостей.

– Рассказывай, рассказывай Наталья, – подталкивал Благову к краю пропасти, которая уже возникла в отношениях двух подруг, Богдан Степанович Сюсюткин.

– Мы приехали, – уставшим голосом начала рассказ Наташка Благова.

– Да, – занервничал Сюсюткин, – ваша съемочная группа ездил в течение суток, снимая выступления Виктора Юбченко, это мы знаем. Что случилось в Махнополе? Все люди как люди, а вы без приключений не можете!

– Моросил дождь, – занервничала Наташка Благова. Я стояла под деревьями, вижу, один из охранников выхватил у Носкова, журналиста газеты «Зеркало Задорожья», видеокамеру, бросил ее на землю и стал топтать аппаратуру ногами. Думаю, не дай Бог, что с нашим оператором подобное случится, пошла искать Виталика.

– А ты, Плахов, что делал в это время? – поинтересовался Богдан Степанович Сюсюткин.

– Я, – разволновался Виталий Плахов, – снимал, как охранники Виктора Юбченко рвали плакаты.

– Что за плакаты? – уточнила Татьяна Васильевна Стервозова.

– Против Юбченко. Завязалась драка между теми, кто держал плакаты и охраной Виктора Андреевича. Драка в кадре классно смотрится. Я, значит, снимаю, никого не трогаю, а меня со спины как стукнут по почкам. Больно бьют, сволочи. Я неделю назад только из больницы выписался, вы же знаете, Богдан Степанович, у меня хроническое воспаление почек.

– А у меня с вами язва желудка скоро будет, – вставил директорские пять копеек Богдан Степанович.

– Поворачиваюсь, стоит здоровый мужик в красной футболке и говорит мне, что я молодой, наверно жить еще хочу... Одним словом, угрожает.

– Я милиционером пожаловалась, они говорят – пишите официальное заявление, снимайте побои. Больница рядом расположена, – продолжила Наташка Благова. – Мы пошли в больницу. Виталика медики осмотрели. Когда мы написали заявление, менты обеспечили нам охрану. Мы хотели, как и планировалось ранее, дальше за командой Виктора Юбченко ехать, а потом передумали, зачем рисковать? Камера дорогая, потом отвечай.

– Ерунда, ничего страшного не произошло, рядовая ситуация. Виталик жив, здоров, аппаратура в порядке, – настаивала Стерва.

– Это не все. К нам подошел неизвестный, он предлагал деньги, чтоб сюжет в эфир не вышел. Мы успели включить запись на камере, записали разговор с ним. Качество неважное, но то, что он нам деньги предлагает, слышно, – разоткровенничалась Наташка Благова. – Кстати, продолжила она, в это время Виктор Юбченко с трибуны говорит о том, что журналистов в

стране убивают, вспоминает, как погиб Горадзе. А охрана Виктора Андреевича в это время что вытворяет? Цинизм!

– Он говорит одно и то же в каждом городе, бе-бе-бе, все про свободу слова сказки рассказывает. Изысканными своими манерами напоминает западного проповедника. Лично мне Виктор Юбченко не понравился, – заявил собравшимся Виталик. – Какой из него лидер?!

Будучи изначально человеком крайне аполитичным, после удара по собственным почкам Виталий Плахов резко возмужал мировоззренчески и теперь не стеснялся высказывать окружающим собственные мысли.

– А ты мне, Плахов, знаешь, кого напоминаешь? – пошла в штыковую атаку Стервозова. – Глупого недоросля. Юбченко ему не нравится! Тебе до понимания, кто такой Виктор Юбченко, духовно вырасти нужно.

– Виталик имеет право на свое мнение, – стала грудью на защиту оператора Наташка Благова.

– Знаешь Благова, а я в эту историю не верю, – огрызнулась Стерва. – Может, вы ее придумали вместе с Комисар. Штабу «Партии Губерний», этой бандитской власти такая история на руку. Признайся, это – спланированная пиар-акция?

– Да ты что, мне не веришь?! Я столько лет в редакции информации проработала. Мне мое честное имя дороже любой сенсации, – изумилась Наташка Благова.

– Не верю. А вы, Богдан Степанович? – Поинтересовалась Стерва мнением шефа.

– И я. Ерунда, стереть и забыть. Били, не убили. Давали деньги, так и не дали...

Сююткин перестал метаться по зеленой дорожке, внутренне успокоился. Он сел в директорское кресло, расправил плечи, одним нажатием кнопки вызвал секретаршу, попросил заварить крепкий кофе. Сююткин с облегчением наблюдал, как Благова и Стервозова продолжают спорить. У каждой из конфликтующих сторон существовала своя правда. У Богдана Степановича своя: не трогайте меня, покоя хочу. Тишины и покоя требовала его директорская душа. Однако не успел закипеть любимый черный напиток Сююткина, как светлую директорскую, чистую, не тронутую грязными политическими интригами душу, пронзил, словно тонким лезвием ножа, телефонный звонок.

Звонил сам Артур Владимирович Лысый. Собственник телеканала ЗАО «Полет».

Словесно Артур Лысый лупил Богдана Степановича ниже того места, куда сегодня стукнули Виталика Плахова. Сююткин посигналил рукой сидевшим в его кабинете журналистам не расходиться. Они прекрасно осознавали, кто звонит. Из телефонной трубки доносился знакомый низкий тембр голоса, но расслышать, что конкретно говорил Артур Лысый, невозможно. Богдан Степанович во время разговора нервно подпрыгивал в директорском кресле, как будто в его кишечнике за одну минуту, пока длилась порочная телефонная связь, размножилось неприличное количество остриц. Невольным свидетелям судьбоносной телефонной порки казалось, что кишечные паразиты безжалостно искололи бедного Сююткина изнутри, оскверняя его директорское светлое естество.

– Я все сделаю. Я понял, да, хорошо. Как вы скажете, – громким голосом и на вытяжку рапортовал собственнику телеканала Богдан Сююткин. Он положил телефонную трубку, вытер носовым платком пот, стекающий с его узкого, как полоска скотча, лба, громко высморкался в носовой платок. Вдохнул, от души чихнул.

– Правда. Видишь, Благова, – обратился Богдан Степанович к Наташке, – правда восторжествовала. Иди, отписывай материал. Пиши подробно, как было. Надо оранжевых оппозиционеров проучить. Делаем спецвыпуск, на тему грубого нарушения прав журналистов, избияния нашей съемочной группы, дословно процитировал Богдан Степанович господина Лысого.

– Там, наверху, – ткнул указательным пальцем в потолок Сююткин, – все знают. О, люди работают, они всегда в курсе событий.

Секретарша принесла кофе, говорить больше не о чем. Вопрос решен, задача поставлена. Телевизионщики покинули кабинет директора.

Стерва шла по коридору, храня молчание. Затишье перед бурей. Благова не осмелилась ее окликнуть, а ей этого так хотелось. Наташку одолевало жгучее желание добровольно разоружиться и с поднятым забралом сказать главному полководцу местных новостей: «Танька, это скандал!»

Что может быть лучше скандала в новостях? Рейтинг вырастет, завтра в Задорожье будут говорить только об этом событии. И главное, нужно пресекать попытки бить нашего брата журналиста. Все честно. Я взвешу каждое слово, я напишу в репортаже правду». Но Благова ничего этого не произнесла. Когда перед тобой вырастает стена, которую и с шестом не перепрыгнуть, попытки преодолеть препятствие – тщетны.

В мозгу у полководца местных новостей Татьяны Стервозовой зрел вулкан. Она чувствовала, что не контролирует себя. Она понимала, что, когда получит отписанный Благовой материал, не сможет его отредактировать. Этот сюжет не должен выйти в эфир!

Что делать? Как быть? «Жаль, что Артур Лысый вмешался, – подумала Стервозова, – его на хромой козе не объедешь. Сююткин, с этим проще, что с убогого возьмешь? Он думает, что директор, а ума», – унижала мысленно непосредственного начальника Стерва, – «словно котенок написал. И то, если его с утра молоком не поили».

Что делать? Что? Это тот случай, о котором говорил Олег Рогов, нужно связываться с оппозиционерами. Стерва взяла мобильный телефон, пакет для продуктов и, под видом решения хозяйственных домашних дел, покинула редакцию новостей в разгар рабочего дня. Сотрудников такой поступок редактора не удивил, Стерва всегда делала то, что хотела.

Созвонившись, они встретились в кафе. Рогов и Стервозова сидели в отдельном зале для вип-персон, оба нервничали, непрерывно курили.

– В этой ситуации, я ничего не смогу сделать, – сокрушенно сказала она.

– Может, мне выйти на Сююткина и попытаться с ним договориться? – предложил Олег Рогов.

– Как, а Лысый! Это он настаивает на сюжете, он же владелец телеканала. Артур лично отдал приказ, поэтому Сююткин денег не возьмет. Он Лысого боится.

– Татьяна, Артур Лысый не просто владелец телевизионного канала, он руководитель городского штаба «Партии Губерний». Заинтересованность Лысого, его «бело-голубой» команды в этом скандальном сюжете очевидна.

Олег Рогов не скрывал, что расстроен и ждал помощи от Стервы, надеясь услышать от нее хоть одно креативное решение. Но оно так и не прозвучало. На прощание Татьяна Васильвна пообещала Рогову разобраться с журналистами, которые эту политическую кашу заварили. Стерва понимала, это начало серии скандальных сюжетов. Попытки ее подчиненных услужить представителям правящей партии необходимо пресекать на корню. Она верила, к власти в стране должны прийти новые политики, такие, как Виктор Юбченко. Оппозиционеры материально поддерживают журналистов, а эти бандиты, злорадствовала Стерва, надеются исключительно на административный ресурс. Пусть надеются, посмотрим кто кого. Татьяна Васильевна страдала одержимостью в работе, когда ее работу оценивали сверх фиксированной редакторской ставки. Сегодня утром Татьяна Стервозова встречалась с Петром Антоновичем Ковбасюком. Он выдал ей наличную сумму в надежде на лояльность и поддержку информационной программы, которой та руководит. Собственник телеканала поддерживает «Партию Губерний», а редактор новостей является информационным кротом, который изнутри лоббирует интересы оппозиции. В игру вступает третья сила. Сила женского обаяния и пиара. Кто кого, настоящая игра началась.

Женька Комисар пришла на помощь лучшей подруге Наташке Благовой вовремя. Их разговор состоялся в самом укромном для тайных бесед месте, в женском туалете. В нем, по крайней мере, не так многолюдно, как в переполненных редакционных помещениях.

– Представляешь, – удивлялась Благова, – я думала, сюжет в эфир не выйдет, как вдруг звонит в кульминационный момент Артур Лысый и приказывает Сююткину идти в наступление.

– Наташа, ничего удивительного в этом нет, как только мы с тобой поговорили по мобильному, я перезвонила Артуру и рассказала ему о возникшем в Махнополе конфликте и о том, какие проблемы у тебя могут возникнуть в редакции с выходом материала в эфир.

– Ты звонила самому Артуру Лысому? – изумилась Благова.

– Наташа, он руководит городским штабом Виктора Япановича, а я, если ты не забыла, там бываю чаще, чем в Пиар Центре.

– Почитаешь сюжет, пока Стерва его не отредактировала?

– Угу.

– Знаешь, Женька я ничего не понимаю. Я сняла скандальный сюжет, подаю его как факт, ничего не придумываю. А журналисты, с которыми я десять лет в редакции новостей проработала, смотрят на меня, как на врага народа. Скажи, Женька, что происходит? Почему если ты симпатизируешь Юбченко, то обязательно должен ненавидеть Япановича. И наоборот. – Разговор прервался, в туалет, как мухи, слетелись практикантки. Они стали накладывать макияж, обсуждать причины задержки заработной платы и месячных. Благова и Комисар вынуждено покинули надежное укрытие и обосновались в конце коридора. Здесь они чувствовали себя менее защищенными, но ничего не поделаешь, на телекомпании как в аквариуме – все на виду.

– Честно говоря, я думала, что Виктор Юбченко тебе понравится, народ на встречах от него без ума. Он красавец мужчина, говорит классно.

Тебе не кажется, что на президента внешне Юбченко больше похож, чем хозяйственный и простоватый Виктор Япанович? – поинтересовалась Женька Комисар у подруги.

– Не кажется, – ответила Наташка Благова. Я, конечно, не политтехнолог, но даже оператор Виталик Плахов заметил, что Виктор Андреевич на встречах с избирателями работает, как западный проповедник. Понимаешь, Женька, все его встречи – это хорошо продуманное шоу, мы за один день видели его пять выступлений в разных городах и везде одно и то же.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовалась Женька у Благовой. И рукой ей показала в сторону Волкодава и Безухова, они шли по длинному служебному коридору и оживленно спорили. Благова дала понять Комисар – будь осторожна, когда ребята подойдут к нам слишком близко. А пока, откровенничай.

– Представь, Женька, народ ожидает Виктора Юбченко в течение часа, слушает выступление артистов, которые разогревают толпу «разом нас багато, нас не поламати». На больших экранах показывают лица людей, собравшихся на площади. Перед выходом на сцену, когда народ готов увидеть мессию, организаторы митинга начинают демонстрировать видеоролики. На них мать Виктора Юбченко благословляет хлеб, иконы, в роликах показаны его дети. Я первый раз, когда эти ролики увидела, чуть не заплакала. Снято и смонтировано классно. Последние кадры по видео – толпа скандирует фамилию Юбченко, люди на площади демонстрируют поддержку. В этот момент появляется он, в клетчатой рубашке, обычных джинсах, протягивает руки окружающим, обнимает старушку в толпе, берет маленького ребенка на руки, подымается на сцену. Догадываешься, что происходит? Привет мальчишки! – словно из другой оперной арии театрально пропела Наташка Благова.

– Привет, – Волкодав и Безухов на минутку приостановились.

– Говорят, тебя били и насиловали? – издевательски поинтересовался у Благовой Ромка Безухов.

– Не меня, а Виталика, и только били, – без улыбки произнесла Наташка.

– Не переживай, Натка, шрамы украшают мужчин и делают из них героев, – произнес на ходу Ромка.

– Угу, – промычала Благова, и, повернувшись к Женьке, добавила, – я с ними не сорилась, за что они так?

– Не обращай на них внимание. Не расстраивайся. Выборы закончатся и все станет на свои места.

– Надеюсь, – поникшим голосом произнесла Наташка Благова. – А как ты оцениваешь Виктора Япановича, его шансы на победу, ты его встречи с избирателями видела?

– Видела. Ничего особенного, говорит он не очень. Дядька высокий, видный, строгий, мне кажется, у Федоровича есть характер.

– А у меня Александр Морозко доверие вызывает, – сообщила Благова, – но харизмы у него нет, слушала его на пресс-конференции чуть не уснула. Черновецкинский ерунду говорит, Бога в каждом предложении вспоминает. А Кинахао явно не глупый политик, мне нравится, Кинахао толковый.

– Но не король в политической колоде, – завершила мысль подруги Женька.

– Получается, выбора у нас нет. На политической арене все те же. Леонид Данилович Кучкист до чертиков надоел, где новые имена, свежие политики? – недоумевала Наташка Благова.

Правду осенью 2004 года политики могли узнать не в эфире радио, по телевидению, из газет и листовок, а случайно подслушав разговоры рядовых избирателей. Правда – у каждого своя, избирательная. «Оранжевые» боготворили Виктора Юбченко. «Бело-голубые», которых в народе окрестили для простоты «синими» революционных перемен опасались, а потому партия власти агитировала исключительно за Виктора Япановича. Остальные кандидаты избирательной гонки оказались техническими, а значит, не в счет. Поэтому основная борьба на политическом поле развернулась между двумя командами основных политических игроков: «оранжевыми» оппозиционерами, представляющими партию «Наша Зкраина», и «синими», которые двигались в кильватере «Партии Губерний». Борьба подразумевает победителя и побежденного. Два Виктора, кто из них станет президентом Зкраины? Интриги маленьких людей, интересы больших стран, а в эпицентре политической борьбы – зкраинский народ. Биологическая масса, ее можно разорвать на две части, потом снова при желании перемешать. Вылепить из нее, как из мякиша черного хлеба слово «ТАК – ТИК – ТАК» или «ПОТОМУ, ЩО...»! А лучше слепить из биомассы симпатичную неваляшку и одеть ее в традиционные шаровары и вышиванку. Куда ее толкнешь, в ту сторону она и качнется. «ПОТОМУ, ЧТО» у нее, у биомассы, ног нет. А раз сама идти не может, значит остается повторять «ТИК-ТАК».

– Так! – кричала в ярости Стервозова Наташке Благовой. – Или ты перепишешь сюжет или...

Или сюжет вышел без редакторской правки, согласно распоряжению директора телекомпании Богдана Сюсюткина. На следующий день тему избиения оператора телекомпании ЗАО «Полет» подхватили центральные СМИ. Наташка Благова участвовала в пресс-конференции, она рассказывала задорожной общественности подробности скандальной истории. Оператора одолевали столичные коллеги, бедный Виталик Плахов, впервые в жизни оказался по другую сторону экрана и выступал в качестве респондента, давал интервью. Чужие считали их героями, свои братья журналисты, не без подсказки Стервы, обзывали Наташку Благову и Виталика Плахова предателями, манипулирующими информационным поводом и общественным мнением. Этот сюжет послужил своеобразным детонатором в спокойной, провинциальной, задорожной губернии. Он нарушил кажущееся равновесие между двумя избирательными штабами кандидатов, претендовавших на главное кресло страны. Новостийный сюжет об избиении журналистов охраной Виктора Юбченко взорвал информационное пространство одной губернии, и как следствие, по стране прокатилась мощная волна разоблачительных журналистских

расследований. Власть обвиняла оппозицию, оппозиция люто критиковала власть. Началось открытое информационное противостояние.

Ручное управление метлой

Утром 24 сентября 2004 года баба Дуся, вооружившись метлой, вышла на уборку городской территории Задорожья. По количеству оранжевых ленточек на деревьях и, расклеенных за ночь на стенах домов, портретов Виктора Япановича баба Дуся безошибочно определяла, кто на данном отрезке времени является лидером политической предвыборной гонки. Она, как губка, впитывала информационные новости и с присущей ей эмоциональностью их распространяла, приукрашивая или превращая заурядное событие в трагедию государственного масштаба. Во дворе сегодня многолюдно, потому что день выдался на редкость солнечным и теплым. Пенсионеры, с присущим их почтенному возрасту азартом, играли в домино, обсуждая актуальную на данный момент новость о пострадавших в Махнополе журналистах, не забывая с ностальгией поминать коммунистическое прошлое. Услышав краем уха их дебаты, Евдокия перешла из ручного управления метлой на автоматический режим уборки территории, что позволило ей сосредоточиться на более глобальных вещах, чем мусор под ногами. Она механически делала взмахи руками влево-вправо, в упор не замечая мелкий мусор. Поэтому и существовал в ее арсенале автоматический режим уборки территории, который предусматривал скрупулезную работу, только не казенной метлой, а творческой мыслью.

Действительно, рассуждала про себя баба Дуся, раньше существовал один цвет – красный, одна партия – родная, Коммунистическая. А сегодня их наплодилось – сто пять, цветов на всех не хватает. Выбери – не хочу, «Партия Пенсионеров», «Партия Предпринимателей», «Одиноких сердец», «Наше корыто», «Бывших мужей». Вот организую, для смеха, партию «Закраинских Дворников», размечталась, старушка, а потом, без зазрения совести выдвину свою кандидатуру в президенты Закраины. А что? Из меня получится президент хоть куда, я честная, работающая, язык у меня подвешен, рот любому дипломату заткну. В соседнем дворе, продолжала вспоминать баба Дуся, гостил у нынешнего заместителя губернатора настоящий дипломат, две недели его на крутой машине возили, город показывали. Идет он мимо меня, честной труженицы, и вдруг, как поздороваешь! От неожиданности в первую секунду контакта недворового масштаба я испугалась, а потом подумала, смотри какой культурный человек, и давай контактера вопросами забрасывать:

– Как у вас там, за границей, народ свинячит? – интересовалась баба Дуся.

– Нет, – отвечал дипломат, – в Дании чистота, там бросил бумажку – штраф. А у вас, – поинтересовался у старушки гость, – какая система штрафов?

– У нас, – рассмеялась Дуся, – у нас другая система: человек человеку волк. А дворник – совсем не человек, так, коммунальная назойливая букашка, вот граждане и плюют куда попало. Культура отсутствует.

– Это плохо, у нас любой труд в почете. Я сожалею, что у вас так, – дипломатично ответил иностранец.

Актуальный разговор недипломатично прервал выбежавший из подъезда заместитель губернатора, он сделал неутешительный вывод – иностранного гостя нельзя оставлять без присмотра, особенно наедине с местными дворниками...

Когда дипломат уехал навсегда в далекую Данию, он бабу Дусю не забыл, а передал ей небольшой презент. Пойми дипломатов. Приехал во двор черный лимузин, из него вышел молодой парень и вручил обезумевшей бабе Дусе букет белых орхидей и маленькую серую коробочку. Баба Дуся ее долго боялась открыть, дело политическое, мало ли что. Спустя трое суток она решила так вскрыть дипломатический подарок садовым ржавым ножом, а там, Господи, – настоящие французские духи. Внучек Ванечка название ей прочитал, не поленился – «Шанель № 5».

«Шинель» – это дипломат намекает на мой коммунальный статус. Цифру пять баба Дуся объяснила родному внуку просто, она свою работу выполняет на круглую пятерку. Какие чуткие люди за рубежом живут, искренне восхищалась старушка каждый вечер, рассматривая под лупой красивую коробку и ее содержимое.

С дипломатами я знакома, значит, с ними разберусь – раз плюнуть, резюмировала про себя баба Дуся. А вот возраст для благородной миссии стать президентом любимой Закраины неподходящий.

Получается, единственного честного, работающего и дипломатичного президента Закраина потеряла. На это существовало, как в песне поётся, целых пять причин: сердце шалит, печень изношена, давление скачет, как сивый мерин, глаза слепнут от катаракты, а ноги, про ноги лучше не вспоминать. Последняя причина, искренне считала баба Дуся, существенная, с большими ногами только в предвыборной гонке участвовать! Нужно быть реалисткой, дворник никогда не станет президентом, а президент – дворником. Несправедливо! Грязи в политике много, как в жизни. И никому, кроме меня в голову не пришло, сокрушалась Евдокия, что профессии дворника и президента функционально идентичны, они обе призваны – служить людям.

Дуся громко рассмеялась. Так громко, что с нескрываемым интересом на ее сутулую фигуру, источавшую хриплый хохот, сначала посмотрели игроки в домино, потом мамы с колясками. Редкое явление – Дуся смеется, а не ругается! Что произошло? Как по команде, из глубины переполненных мусорных баков выпрыгнули два бездомных, облепленных пищевыми объедками кота. Их грязные мордочки перекосило от страха.

– Чего это Дуська смеется, не знаешь? – поинтересовался рыжий кот у напарника по мусорному баку.

– Ой, не к добру это! – ответил черный лопухий кот.

– Слышал, в стране выборы проходят. Люди президента выбирают. Интересно, какой он масти, может рыжий, как я. Хи-хи.

– Есть и рыжий президент и голубой, выбирай себе любого. Если у людей такие кандидаты в президенты, как у нас хозяйский кот Ленька, который думает только о собственной холеной шкуре, то понятно, почему в мусорных баках кроме прелых сухарей и картофельных отходов – ничего съедобного.

– Обнищал народ!

– Если в Закраине дворники смеются, значит дело серьезное.

– Жрать хочется.

– Пошли в соседний двор, там в подвалах еще мыши остались.

– Мелкие такие, как семечки, – возмутился рыжий кот.

– Лучше мелких мышей, чем картофильные очистки жевать.

Мяукающие твари, не раздумывая, покинули территорию двора со скудным провиантом в мусорных контейнерах.

Баба Дуся продолжала смеяться, на ее пораженных катарактой глазах выступили слезы.

– Что случилось? – закричал проигравший только что в домино, унылый, плешивый дед.

– Молодость вспомнила, – решила пококетничать с ним Дуся, не правду же рассказывать.

«Фантазерка, – удивлялась баба Дуся, – я президент. Грустно, плакать хочется».

Сидевшие рядом с дедом игроки дружно рассмеялись, они знали, что их плешивый друг проиграл не только последнюю игру в домино, но и главную в своей жизни партию. Пятьдесят лет назад он так и не женился на молодой красавице Дусе. Любовь у них случилась взаимная, но первым мужчиной в жизни Евдокии стал другой. Судьба. Остались одни воспоминания, над которыми грех смеяться. Баба Дуся, наверное, греха не боится, вот и смеется на весь двор, ей весело.

Вытирая рукой слезы на морщинистых щеках, старушка машинально глянула на часы, единственную роскошь, позволительную дворникам.

Она обрадовалась, как малолетний ребенок, пришло время заслуженного обеденного перерыва. Баба Дуся поставила метлу в деревянный сарайчик, сняла синий заплатаанный халат, невзрачного цвета фартук, сбросила старые разношенные туфли, с удовольствием надела приличную обувь, которая беззаветно служила ей четвертый осенний сезон. Согласно собственной схеме преобразования из рядового дворника в рядовую старушку, баба Дуся надела вместо побитой молью шерстяной бесформенной шапочки нарядный цветной платочек. И с чувством выполненного долга перед страной, городом и конкретным двором пошла уверенной походкой домой. Нужно разогреть котлетки, борщ, зайти в ларек купить свежего хлеба, как молитву, без устали твердила собственный план действий на ближайший час Дуся. Внук обещал, что придет к обеду, не опоздает. Ходит целыми днями голодный, сокрушалась заботливая бабушка. Кто накормит сироту? Сын живет у сожительницы, временами у Дуси, пьет безбожно, потерянная душа. С этим, не требующим доказательств фактом Евдокия жила двадцать горьких, долгих лет. Все лучшее Ванечке, любимому внуку.

– Ба, – забилось в истерике эхо между многоэтажными домами. Многократно повторяя один-единственный слог, оно пыталось донести до адресата ценную информацию, напоминающую сигнал бедствия.

– Ба, ты шо, глухая? – еще громче, чем в первый раз крикнул грубый мужской голос.

Баба Дуся обернулась, узнала Ванечку. Он стоял в арке на противоположной стороне улицы вместе с нетрезвыми друзьями и махал ей долговязыми руками. Эти жесты могли означать одно, остановиться. И она остановилась. Вот, он бежит ей на встречу, высокий, худой, небритый, непричесанный.

– Ба, я кричу, кричу тебе.

– Я за хлебом сбегаю, Ванечка, а ты иди домой, вымой руки. Я быстро, ты, наверное, проголодался? – заботливо закудаhtала старушка.

– Ба, я сам поем, не маленький. А ты иди в ЖЭК, тебя там товарищ Пузииков ищет. Начальство кричит, где Евдокия!

– Батюшки, что случилось? – испугалась Дуся.

– Да собрание, то ли Юбченко убили, то ли Япановича. Ничего не понял, всех на собрание зовут, паника в рядах коммунальщиков. Вон смотри, сантехники бегут, – подлил масла в огонь Ванечка. Сантехники не бежали, но действительно, шли довольно быстрым шагом в направлении коммунальной конторы. Баба Дуся всплеснула руками.

– Господи, убили, как же так! – слезы так и брызнули из ее старческих глаз. Она достала из кармана не первой свежести носовой платок и громко высморкалась, потом снова заплакала и опять высморкалась.

– Ванечка, вспомни, кого убили, Юбченко или Япановича?

– Ба, а какая разница, человека убили. Политика! Ба, в стране черт знает, что происходит. Молчи на собрании, не высывайся, – посоветовал внук.

– Ой, буду молчать. Обещаю Ванечка. Страсти – то какие!!!

– Ба, дай тридцать гривен, я хлеб сам куплю, – тоном, неприемлющим возражений, сказал Ванечка.

– Тридцать много, – пришла в сознание бабушка.

– Я хочу молочной колбасы купить, – настаивал внук.

– Так, котлетки есть. Зачем колбаса?

– Бабуля, не жадничай, – сердился на бабушку Ванечка.

Баба Дуся открыла потрепанный кожаный кошелек и обнаружила двадцатку и два червонца, делать нечего. За червонец сегодня хлеба и хорошей колбасы не купишь. А внука кор-

мать надо, вон какой худой, наверное, он хочет девушкам нравиться, мелькнуло в голове заботливой старушки. Надо Ванечку подкормить, такого худого вряд ли кто полюбит.

Иван на бабкины деньги купил у дружков трамадола, чтоб поймать долгожданный кайф.

На оставшуюся мелочь он приобрел в ларьке полбуханки черного хлеба. Евдокия черный хлеб не любила, он напоминал ей голодное, послевоенное время, однако есть сегодня будет черный, потому, что на буханку белого с хрустящей корочкой у Ванечки денег не хватило.

Коммунальная контора не вмещала всех сотрудников под одной крышей. Поэтому, по распоряжению начальника ЖЭКА Николая Кузьмича Пузикова, общее собрание трудового коллектива проводилось возле главного входа в контору, на свежем воздухе. Арендовать актывый зал Дома Культуры «Металлург», как обычно, не было ни времени, ни финансовой возможности. Жить и работать коммунальщикам приходилось с колес, особенно, когда главное колесо истории так и норовило накатить на тебя событийной тяжестью.

Николай Пузиков научился за долгие годы, работая начальником ЖЭКА, уходить от прямых и безжалостных ударов судьбы. С одной стороны жильцы, рассуждал он, у которых ежедневно что-то рвется, протекает, не работает и ломается, с другой его подчиненные, у которых нечем, не с чем, и за мизерную заработную плату. А в эпицентре вечного конфликта он, Николай Кузьмич Пузиков. Если не жильцы скандалят, то подчиненные уклоняются от работы, и так каждый божий день. Начальство в командном репертуаре, словно птица-санитар, ежедневно стучит по тонкому чувственному темечку Пузикова. Долбит, долбит, сил нет. Я не деревянный, а сколько лет терплю, удивлялся начальник ЖЭКА Николай Кузьмич. Он любил без лишней скромности сравнивать себя со столетним задорожным дубом, который крепко стоит на ногах и, несмотря, на почтенный возраст, не падает. А если скандальные горожане на личных приемах начальнику ЖЭКа психику житейскими глупостями попытаются повредить, так Николай Кузьмич водочки выпьет на ночь, и спит младенческим сном, тихо выпуская негативные газики, накопившиеся в его кишечнике за трудовой, напряженный день. Не все спокойно и безоблачно в жизни товарища начальника.

Над коммунальной конторой впервые за эту политическую осень сгустились темные синие, почти черные тучи, накрапывал мелкий, противный дождь. Собрание трудового коллектива еще не началось. Кузмич ждал, он хотел, чтоб на собрании присутствовало как можно большее количество подчиненных. Пора, скомандовал он себе, когда прозвучал первый аккорд надвигающейся стихии. Гром грянул оглушительно, словно вражеский выстрел, баба Дуся набожно перекрестилась, хотя церковь не посещала с рождения, с коммунистических времен считала себя яркой атеисткой.

– Почто, ироды, человека убили?! – закричала она. В подтверждение ее правоты, гром грянул еще сильнее, чем в первый раз. В небе засверкала ломанная огненная линия, которая, словно змея, мгновенно уползла за гигантские, устрашающие души рядовых коммунальщиков, тучи.

Народ, словно лакмусовая бумажка, мгновенно прореагировал на слова дворника Евдокии. Убили, убили, перешептывались взволнованные сенсационной новостью коммунальщики.

– Кого убили? – поинтересовался ничего не сведущий в политике, вечно пьяный и грязный сантехник по фамилии Косой.

– Так, говорят самого Виктора Япановича, ответила Косому маляр-штукатур Букашкина.

– Говорят, в него киллер стрелял с крыши многоэтажного дома, – выдвинул свою версию плотник Котов.

– Да никто в него не стрелял, а камень в Федоровича на митинге какой-то подросток кинул. Был Премьер Министр, кандидат в президенты, и нет человека. А я за него хотел проголосовать, это же каким снайпером надо быть, чтоб так метко бросить камень? Представьте, он перелетел через вооруженную до зубов охрану и попал прямо в висок человеку, – возмутился всезнающий электрик Сорокин.

– Брехня, не такие это люди, чтоб в них камнями бросались. Ерунда это все. У кандидата в президенты знаете, какая охрана? А может, это свои бросили, для понту. Ну, чтоб вызвать сострадание у нас, у избирателей, – предположил Косой.

– Ты, Косой я вижу, после вчерашнего дня не похмелялся, только в твоей пьяной голове могла родиться такого масштаба глупость, – разозлился Сорокин.

– Я, что дурак? Виктор Япанович при власти. Фамилия у него, вдумайтесь, Я-панович, значит пан, самый главный. А действующая власть главных кандидатов не отстреливает. Оппозиция не так глупа, чтобы участвовать в подобных террористических актах, – настаивал на собственной версии Косой.

– Косой, не нуди, сейчас Кузьмич нам правду растолкует. Начинайте собрание, Николай Кузьмич, – закричала Букашкина, – а то сейчас ливень хлынет.

– Слышишь, баба Дуся, дай червонец, в душе пожар. Завтра отдам, чтоб я сдох, – голосом, в котором слышались предсмертные нотки, произнес Косой.

Баба Дуся насупила брови, сложила губы трубочкой, сделала шаг в сторону от человека, у которого в душе горело, как в мартеновских печах и, не раздумывая, подбросила в его зияющую топку несколько собственных поленьев презрения и обиды за тех, кто не пьет и вынужден терпеть алкоголиков.

– Тебя чужая смерть не трогает. Зачем ты живешь на белом свете? Чтоб воздух коптить перегаром? Ты на себя в зеркало смотрел, пропащая душа? Лучше бы это в тебя камнем кинули, может после этого в твоей пьяной голове просветление наступило бы. Эх, Косой, Косой. Ты сначала долг отдай. Ты у сотрудников деньги занимаешь и никогда не отдаешь.

Баба Дуся что тебе, спонсор? Вот тебе червонец, видел? – Дуся скрутила кукиш и поднесла его демонстративно к красному носу Косого. Сантехник, словно ангел, заморгал большими глазами то ли от природы, то ли от выпитой водки цвета сочной травы, потом совестливо опустил голову и еле слышно произнес:

– Дуся, ну ты чего, Дуся. Я отдам, отдам. Дай червонец, будь человеком.

– Не дам, не сыну своему алкоголику, ни тебе ироду. Вы совесть пропили, жизнь пропили, Закраину пропить хотите?

– А я хотел помянуть Виктора Федоровича. По христианской традиции! – В глазах у Косого заблестели слезы. Одна слезинка театрально скатилась по небритой щеке сантехника, оставляя после себя теплый, влажный след.

Старое женское сердце дрогнуло.

– Держи, ирод, да смотри, поминай Федоровича, как люди это делают, пей не ради того, что бы напиться, – Евдокия отдала Косому последний червонец. Зарплата завтра, подумала она, пусть Косой несправедливо убиенного премьера помянет, какой человек был.

Николай Пузиков ораторскому искусству обучен не был, на собраниях выступать он не любил, однако руководство его обязало – выступать. Делать нечего, приказ, подумал Пузиков.

Кузьмич взобрался на самую высокую ступеньку крыльца коммунальной конторы, пригладил рукой торчащие в стороны редкие волосы на плешивой голове, поправил мятый, в жирных пятнах галстук, громко откашлялся и стал, как ему казалось в правильную ораторскую позу. Ее он позаимствовал на время выступления у памятника вождю мирового пролетариата, чей мраморный образ украшал самую главную улицу Задорожья, которая на карте города значилась, как проспект Ленина.

– Товарищи! – выкрикнул Пузиков и сам испугался, в ответ на его приветствие к сослуживцам недружелюбно грянул гром.

– Товарищи, – тихо повторил начальник ЖЭКа. Не волнуйтесь, товарищи, Виктор Федорович жив. Сегодня 24 сентября 2004 года в Ивано-Фрунковске совершено дерзкое покушение. Тупым тяжелым предметом ему нанесли удар прямо в премьерское храброе сердце, – от волнения Пузиков закашлялся, но нашел в себе силы и продолжил.

– Он находится в больнице, врачи нас обнадежили. Все будет хорошо, я это знаю. Хорошо, все будет хорошо, – вдруг Кузьмич почувствовал, что начал цитировать песню Верки Сердючки. Надо срочно преобразовывать этот словесный каламбур в достойную ораторскую речь и вести за собой коммунальный народ в светлое, губернское будущее. О будущем Кузьмич думать не хотел, а вот вывести подчиненных на митинг протеста сегодня вечером обязан. Приказ вышестоящего руководства он выполнял неукоснительно.

– Сегодня в восемь часов вечера на площади Фестивальной состоится митинг поддержки. Мы должны сплотить наши дружные ряды и поддержать действующего премьера, кандидата в президенты дорогого Виктора Федоровича, на чью жизнь посягают недруги. Товарищи, в конторе вы получите транспаранты.

– А если дождь пойдет? – послышался голос из толпы. Пузиков нахмурил брови, утрашающе покашливал и продолжил речь.

– Зонты возьмите, дождевики, спиртное не брать, – Кузьмич строго посмотрел на Косого, – явка обязательна. У кого есть вопросы?

Какие вопросы, за считанные секунды коммунальщики как ветром сдуло, пошел сильный, проливной дождь. Сантехники, плотники и дворники давились в тесном коридоре коммунальной конторы и злым громким словом проклинали изменчивую погоду, а заодно и политику.

– А где Косой? – Поинтересовалась баба Дуся, решившая возвратить червонец. Поминать некого. Слава Богу, Виктор Федорович жив, здоров.

– Косой, ты где? – закричала встревоженная Евдокия.

Народ засмеялся.

– Его водой смыло, – выдвинула версию Букашкина.

– Он думал, это водка с небес льется, стал ее пить и захлебнулся, – издевательски закричал плотник Котов.

Баба Дуся не смеялась, она впервые почувствовала, что политика – это ее кровные деньги. Лежал в кошельке червонец, и нет его. А все почему? Баба Дуся вздумала лезть в большую политику, делать выводы, сочувствовать. Результат не заставил себя ждать – ни Косого, ни червонца. Вечером придется ехать на площадь Фестивальную. Троллейбусы сегодня не ходят, водители бастуют, значит поеду на маршрутке, подумала Евдокия, гривна туда, гривна обратно. В туалет обязательно захочу, опять гривну плати. На эти деньги можно купить два батона хлеба. Разве политики об этом знают? Они хотят нашей поддержки, чтоб мы их на митингах защищали за наши деньги. Ерунда какая-то!!! Они большие, влиятельные, богатые люди, а ждут помощи от нищих и голодных, как мы.

За окном рыдал дождь, он выбивал на асфальте музыку, которая знакома бабе Дусе с раннего детства. Эта грустная музыка потерянной любви, надежд и прожитых лет навевала на нее печальные воспоминания. Я всегда доверяла людям, подумала старушка, а меня обманывают, как девочку. Ну и пусть. Я совершаю поступки от чистого сердца, что сделано, то сделано. Плакать не буду. Барабанная дробь дождя немного успокоила ее старое, разбитое житейскими неурядицами сердце. Жизнь продолжается, с червонцем или без, подумала Евдокия, и улыбнулась, главное – никого не убили.

Полет крутого яйца

Александр Куликов в выражениях не стеснялся. Он руководил Пиар Центром в лучших европейских традициях, но ругал подчиненных в характерной советской манере, используя в речи радикально матерные, многоэтажные выражения. Женька Комисар к диктатуре крепких слов привыкла или ей казалось, что привыкла. Куликов вспоминал прямой эфир и по матушке и по бабушке. Он неприятно шелестел сценарием перед Женькиным носом и требовал показать ему в сценарном плане страницу, где шла речь о мэре города Евгении Карташкине.

– Покажи, мне, где написано, что нужно снять с городского головы штаны и высечь его прилюдно, – кричал Александр Куликов подчиненной. Комисар молчала, она понимала, что когда локомотив идет на большой скорости и целенаправленно выпускает максимальное количество пара, лучше под его колеса не бросаться, все равно не остановишь.

– Ты хоть представляешь, чем все могло закончиться! Чего ты прицепилась к галстукам мэра? Евгений Григорьевич – почтенный пожилой человек, а ты из него дурака в прямом эфире сделала. Самовольничаешь, Комисар!!! Ты где работаешь, это тебе не сюжеты под копирку в новостях писать, здесь думать надо, кого укатывать в словесный асфальт, а кого нет. Шоу называется «Родной город», ты ведущая, где улыбка, у тебя гости в пол смотрят. А ты подобна собаке на цепи.

– Сан Саныч, вы просили без комплиментов и слюней, – оправдывалась Женька.

– Так, я еще и виноват! С этого места подробней!

– Четче ставьте задачу, – защищалась Женкка Комисар.

– Я тебе поставлю задачу, еще раз подобное отмочишь, с эфира сниму. Замену тебе найти не проблема, журналистов на телекомпании, что грязи. Теперь перейдем к делу.

Женька с облегчением вздохнула, избиение ее личности хлесткими словами осталось позади, у шефа истощился запас всенародно употребляемых в кризисных ситуациях слов. Слава Богу, подумала она, сейчас Куликов перейдет на цивилизованную схему общения. Женька Комисар одобрительно хлопнула ресницами в ответ на критику шефа и, не пряча от него больших карих глаз, жаждала получить новое задание.

– Как тебе эта история, произошедшая в Ивано-Фрунковске? – охрипшим голосом поинтересовался Александр Куликов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.